

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК ФИЛЬМОВ «БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ»
И «БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ 2049»

ФИЛИП К. ДИК

МЕЧТАЮТ ЛИ
АНДРОИДЫ
ОБ ЭЛЕКТРООВЦАХ?

**PHILIP
K. DICK**

Филип К. Дик. Электрические сны

Филип Дик

**Мечтают ли андроиды
об электроовцах?**

«ЭКСМО»

1968

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дик Ф. К.

Мечтают ли андроиды об электроовцах? / Ф. К. Дик — «Эксмо»,
1968 — (Филип К. Дик. Электрические сны)

ISBN 978-5-699-90756-4

После ядерной войны Земля превратилась в пустыню, покрытую радиоактивной пылью. Немногие оставшиеся люди влачат жалкое существование в полуразрушенных городах. Рик Декарт, профессиональный охотник, получает задание найти и уничтожить нескольких андроидов, сбежавших с внешней колонии на Землю. Но постепенно Рик начинает задаваться вопросом: а так ли уж андроиды отличаются от людей? И где пролегает та граница, что их разделяет? Культовый роман от самого удивительного писателя-философа – Филипа К. Дика! Книга также издавалась под названием «Бегущий по лезвию бритвы».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-90756-4

© Дик Ф. К., 1968
© Эксмо, 1968

Содержание

Мечтают ли андроиды об электроовцах?	8
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Филип Киндред Дик

Мечтают ли андроиды об электроовцах?

Philip K. Dick

DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP?

Copyright © 1968, Philip K. Dick.

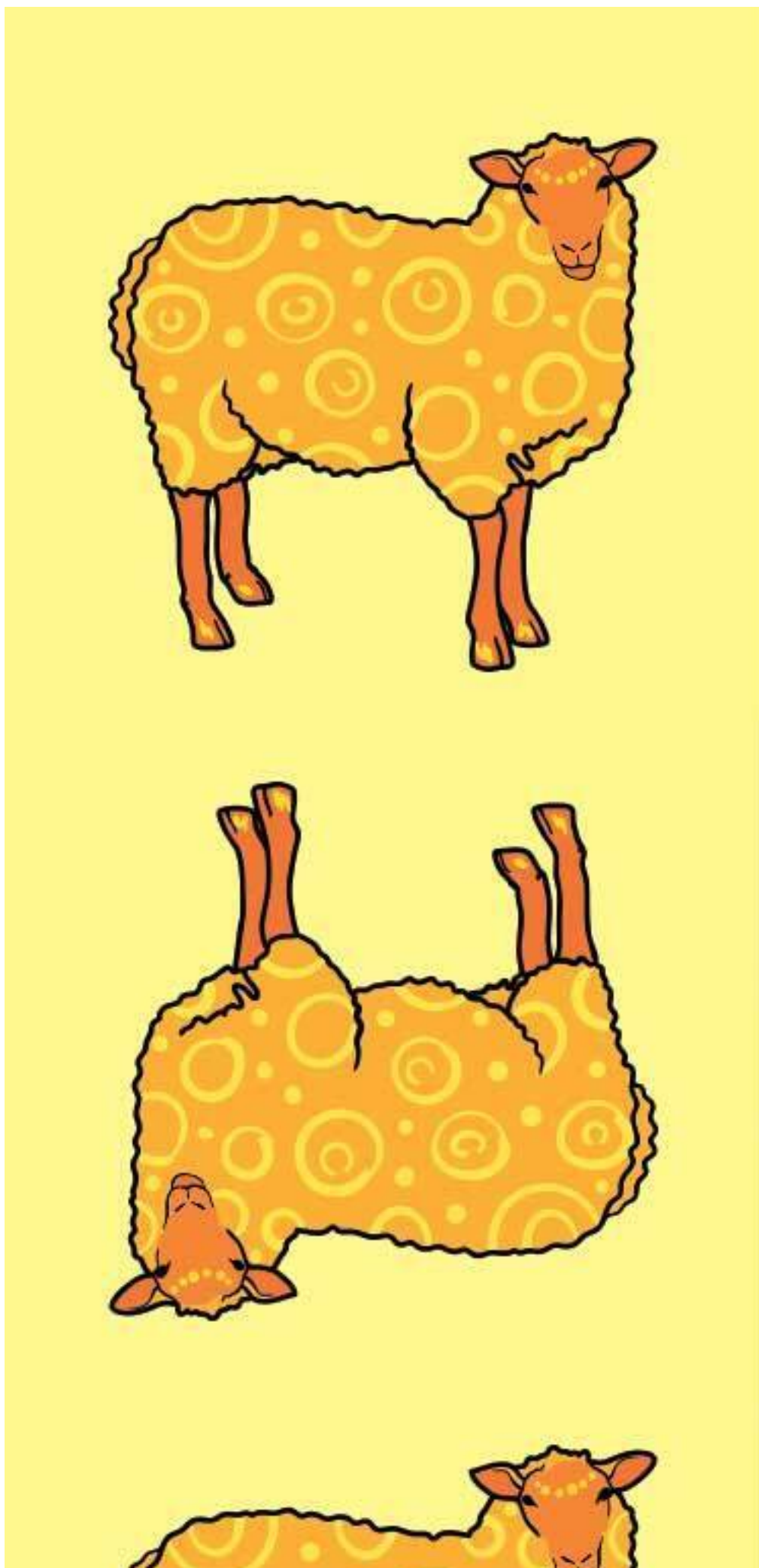
Copyright renewed © 1996, Laura Coelho, Christopher Dick and Isolde Hackett.

Серия «The Best of Sci-Fi Classics»

© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Мечтают ли андроиды об электроовцах?

Окленд

Вчера умерла черепаха, подаренная в 1777 году путешественником капитаном Куком вождю аборигенов острова Тонга. Ей было почти двести лет.

В столице Тонга Нуку, в садах Королевского дворца, опочило животное, именуемое Ту'ималья.

Народ Тонга считал это животное одним из своих вождей, для ухода за ним были назначены специальные смотрители. При случившемся несколько лет назад лесном пожаре оно ослепло.

Согласно сообщению Радио Тонга, скелет животного Ту'ималья будет передан Новой Зеландии для экспонирования в Оклендском музее.
Агентство Рейтерс, 1966

Глава 1

Пенфилдовский генератор настроений разбудил Рика Декарда звонким, радостным всплеском электричества. Привычно удивленный неожиданным, без всяких предупреждений, возвращением из царства сна в мир реальный, Рик спрыгнул с кровати, одернул радужную, под стать своему утреннему настроению, пижаму и сладко, с хрустом потянулся. На соседней кровати его жена Айран разлепила светло-серый тоскливый глаз и тут же со стоном его захлопнула.

– Ты ставишь будильник своего «Пенфилда» на слишком низкий уровень, – сказал Рик. – Давай я немного прибавлю, тогда ты проснешься и...

– Не суйся в мои настройки, – (Рик совсем уже ожидал услышать продолжение: «Не мешай мне спокойно умереть», однако так далеко Айран не пошла.) – Я не хочу просыпаться.

Он сел на краешек ее кровати, наклонился и начал терпеливо объяснять:

– При достаточно сильном импульсе ты будешь рада, что проснулась, в том-то вся и штука. На уровне «С» он превзойдет защитный порог бессознательного нежелания просыпаться, вот как, скажем, у меня.

Рик добродушно – он неизменно ставил свой будильник на «Д», а потому просыпался буквально распираемый любовью ко всему окружающему, – потрепал ее по бледному, как пасмурный рассвет, плечу.

– Держи при себе свои полицейские лапы, – поморщилась Айран.

– Я не коп, – сказал Рик, в нем поднималось не предусмотренное программой раздражение.

– Ты еще во сто раз хуже, – сказала Айран, все так же не открывая глаз. – Ты – наемный убийца на подхвате у копов.

– Я в жизни не убил ни одного человека. – Его раздражение быстро переходило в прямую враждебность.

– Ну да, – саркастически усмехнулась Айран. – Только бедных андиков, а они не в счет.

– То-то ты мгновенно тратишь все мои премиальные на первую, что попадется, дребедень. А ведь можно было бы немного пооткладывать и купить вместо этой электрической подделки, что пасется у нас наверху, настоящего живого барашка. Электрический фальшак – и это при том, что я год за годом вкалываю как проклятый, имею вполне пристойное жалованье плюс премиальные и все, до последнего цента, несую в дом!

Завершив эту тираду, Рик резко встал и направился к пульту своего «Пенфилда» с намерением набрать либо подавление таламической активности (чтобы быстро приглушить его гнев), либо стимуляцию ее же (и завестись до такой степени, что появится шанс переорать эту стерву).

– Давай, давай, – сказала совсем уже проснувшаяся Айран. – Увеличивай свою склочность, и я тогда сделаю то же самое. Я выведу ее на максимум, и ты получишь такой скандалчик, перед которым все наши прежние склоки – просто нежное воркование. Набирай, набирай, а уж за мной-то не заржавеет.

Она подскочила к пульту и замерла, сверкая на Рика потемневшими от злобы глазами.

Так что теперь выбор сильно упростился: либо безоговорочная капитуляция, либо полный, сокрушительный разгром.

– Я просто собирался набрать то, что нужно сегодня по графику, – соврал Рик и взглянул на график. Сегодня, третьего января две тысячи двадцать первого года, ему требовалось деловое, активное настроение. – Если я наберу по графику, ты сделаешь то же самое?

Наученный печальным опытом, он не спешил тыкать кнопки, не получив от нее ясного ответа, а то еще поставишь себе «деловое, активное» и тут же нарвешься на разъяренную фурию.

– Мой сегодняшний график включает шестичасовую глубокую депрессию с самотерзаниями, – сообщила Айран.

– Что? Да зачем тебе это? – Такая комбинация противоречила самой идее генератора настроений. – Вот уж не думал, что меню «Пенфилда» позволяет набрать подобную жуть.

– Я тут сидела как-то одна, – сказала Айран, – ну и включила передачу «Дружище Бастер и его дружелюбные друзья», и он сперва обещал рассказать какую-то потрясающую новость, а потом вдруг пошел этот кошмарный ролик – ну, ты знаешь, про маунтибэнковские защитные штаны. Я вырубилась на время звук и вдруг услышала... ну, это... наше здание. Я услышала... – Она сделала неопределенный жест.

– Пустые квартиры, – догадался Рик.

Ночью, когда все уже спят, он тоже иногда их слышал. Но теперь ведь даже полупустой дом вроде этого котиrowался по шкале заселенности достаточно высоко. В пригородах – в тех районах, что до войны были пригородами, – до сих пор встречались абсолютно пустые здания – так, во всяком случае, рассказывали. Подобно большинству нормальных людей, он совсем не рвался лично проверить эти слухи.

– И в этот момент, – продолжила Айран, – когда я вырубилась звук телевизора, я была в настроении триста восемьдесят два, только что его набрала. А в результате, хотя умом я слышала пустоту, я ее не ощущала. Сперва я возблагодарила Господа, что мы можем себе позволить такую роскошь, как пенфилдовский генератор настроений, а потом вдруг осознала, насколько это нездорово и противоестественно – ощущать отсутствие жизни, и не только в нашем здании, но и везде, повсюду, и никак не отзываться на это душой, ты меня понимаешь? Скорее всего – нет. А ведь когда-то это считалось верным признаком психического расстройства – «отсутствие адекватной реакции», так это называлось. Тогда я не стала больше включать звук телевизора, подошла к своему «Пенфилду» и начала экспериментировать. Ну и в конце концов наткнулась на комбинацию, генерирующую безысходное отчаяние. – На ее смуглом живом лице отразилось удовлетворение успешно завершенным трудом. – Теперь я включаю ее в свое расписание дважды в месяц по шесть часов кряду – думаю, это вполне разумное время, чтобы глубоко прочувствовать безнадежность всего, что есть, – в частности, того, что мы так и торчим здесь, на Земле, когда все нормальные люди давно уже эмигрировали; ты со мной согласен?

– Вот установишь ты эту свою комбинацию и завязнешь, не захочешь из нее выходить, – сказал Рик. – Такое всеобъемлющее отчаяние имеет свойство само себя поддерживать.

– А я, – хитро улыбнулась Айран, – запрограммировала автоматическое изменение установки, сразу на три последующих часа. Четыреста восемьдесят один, осознание многогранных возможностей, открытых для тебя в будущем, новая надежда на...

– Да знаю я, что такое четыреста восемьдесят один, – перебил Рик, который уже много раз пользовался этой комбинацией и очень в нее верил. – Послушай. – Он сел на свою кровать, взял Айран за руки и усадил рядом с собой. – Любая депрессия крайне опасна, даже с автоматическим прерыванием. Так плюнь ты на свое расписание, я плюну на свое, мы с тобой оба наберем сто четыре, испытаем его в полной мере, а потом ты останешься в нем еще на какое-то время, а я перестроюсь на «деловое, активное», схожу на крышу проверить, как там наш баран, и поеду на службу, не опасаясь, что ты тут куксишься перед выключенным телевизором.

Он выпустил ее длинные, изящные пальцы, перешел из просторной спальни в еще более просторную гостиную, где стоял запах последних вчерашних сигарет, и протянул руку к телевизору.

– Терпеть не могу телевизор до завтрака, – сообщила Айран; она так и осталась сидеть на его кровати.

– Набери восемьсот восемьдесят восемь, – сказал Рик, наблюдая, как прогревается трубка. – Желание смотреть телевизор вне зависимости от программы.

– Ничего я не хочу набирать, – сказала Айран.

– Тогда набери тройку.

– Я не могу набрать комбинацию, которая заставит меня хотеть набрать другие комбинации. Если уж я вообще ничего не хочу набирать, то уж эту-то комбинацию и тем более, потому что тогда я захочу набирать, а желание набирать представляется мне сейчас чем-то отвратительным. Я хочу просто сидеть здесь, на кровати, и смотреть в пол.

С каждым словом голос Айран звучал все глуше и безнадежнее; казалось, что ее душа необратимо каменеет, окутывается пеленой абсолютной инерции.

Рик включил звук телевизора, и квартиру до краев заполнили звуки наглого, приторно панибратского голоса.

– ...Хе-хе, ребята, – грохотал Дружище Бастер, – самое время кратенько рассказать вам про сегодняшнюю погоду. По сведениям с метеорологического спутника «Мангуст», к полудню осадки достигнут максимума, а затем начнут помаленьку убывать, так что тем из вас, кто захочет высунуть на улицу нос или там что-нибудь другое...

Дальше Рик не слышал – к нему подошла беспредельно унылая фигура в волочащейся по полу ночной рубашке и выключила телевизор.

– Ну ладно, – горько вздохнула Айран, – сдаюсь. Я наберу все, что ты хочешь, пусть даже экстатическое сексуальное блаженство, – я чувствую себя так хреново, что даже и это выдержу. Хуже не будет, потому что хуже уже некуда.

– Я сам наберу для нас обоих.

Рик приобнял жену за плечи и препроводил ее назад, в спальню. Здесь он набрал на ее пульте 594 – охотное приятие превосходящей мудрости мужа во всех возможных вопросах, а на своем – творческий, изобретательный подход к работе, хотя в последнем и не было особой необходимости: он и сам, без всякой искусственной стимуляции, подходил к работе именно таким образом.

Торопливо позавтракав – нужно было наверстывать время, бездарно угробленное на препирания с женой, – в полной экипировке для высывания на улицу (включавшей, естественно, и просвинцованные штаны «Аякс» фирмы «Маунтибэнк»), Рик поднялся на крышу (крытую, естественно, крышу), где мирно пасся его электрический барашек – хитроумный механизм, щипавший траву с таким натуральным удовольствием, что никто из соседей не догадывался о его истинной природе.

Можно не сомневаться, что некоторые из их животных тоже являлись электронными фальшивками, но Рик никогда не пытался разобраться в этом поподробнее, равно как и соседи никогда не проявляли излишне въедливого интереса к его барану – это противоречило бы общепринятым нормам поведения. Спросить: «А ваш баран, он настоящий или электрический?» – было бы бестактностью много худшей, чем если бы вы спросили человека, пройдут ли его зубы, волосы и внутренние органы тест на аутентичность.

Рик окунулся в тошнотворно-бурые волны утреннего, сплошь пронизанного радиоактивной пылью воздуха, который превращал солнце в тусклый медный пятак и все время раздражал носоглотку характерным металлическим запахом, вынуждая непроизвольно принохиваться к этому «аромату смерти». Нет, «аромат смерти» – это слишком уж сильно сказано, решил он, спеша к участку земли, который достался ему в комплекте с чрезмерно просторной квартирой. В эти дни последствия Финальной Всеобщей Войны уже утратили свою изначальную драматичность, стали чем-то будничным. Те, кто не мог устоять перед радиацией, давно отошли в мир иной, так что в последние годы заметно ослабевшая пыль, которой противостояли выжившие – то есть самые крепкие – из людей, только медленно подтачивала им разум и наследственный аппарат. Рик не захотел эмигрировать, и теперь, несмотря на все предосторожности, пыль день ото дня оседала в нем все новыми и новыми порциями смертоносной грязи. Пока что еже-

месячные медицинские обследования неизменно подтверждали его статус нормала, человека, имеющего законное право производить потомство, однако каждый раз возникала пугающая возможность, что медицинская комиссия Сан-Францисского полицейского управления вынесет противоположный вердикт, – всепроникающая пыль непрерывно превращала бывших нормалов в аномалов (но, к сожалению, не наоборот). «Эмигрируй или деградируй! Думай сам, что лучше!» – кричали телевизионные ролики, уличные щиты и правительственные листовки, ежедневно опускавшиеся в каждый почтовый ящик. Весьма разумно, думал Рик, отпирая калитку своего миниатюрного овечьего загона. Только вот я не могу эмигрировать. Из-за моей работы.

И тут его окликнул Билл Барбур, хозяин соседнего пастбища и сосед по дому; как и сам Рик, Билл вообще-то шел на работу и забежал сюда на пару секунд, проверить свое животное.

– Моя кобылка забрюхателя! – Он гордо указал на крупную, философического вида першеронку. – Ну что вы на это скажете?

– Скажу, что скоро у вас будет пара першеронов.

Рик уже подошел к своему барану, который лежал на траве, задумчиво пережевывая жвачку, и внимательно следил за руками хозяина – не принес ли тот ему горстку овсяных хлопьев. В программу данного конкретного экземпляра была заложена страстная любовь ко всяческим зерновым хлопьям; завидев такое лакомство, электробаран непременно вскочил бы на ноги и поскакал бы (весьма убедительно) навстречу Рикку.

– А с чего она вдруг? – спросил Рик. – Ветром надуло?

– Я купил дозу самой лучшей оплодотворяющей плазмы, какая только есть в Калифорнии, – похвастался Барбур. – Через животноводческий совет штата, по знакомству, иначе бы не вышло. Помнишь, на той неделе их инспектор обследовал Джуди? Они считают мою кобылку чуть ли не лучшей в породе и прямо мечтают получить ее жеребенка.

Барбур любовно потрепал лошадь по гриве, и та ткнулась мордой ему в плечо.

– А вы не хотите ее продать? – спросил Рик.

Ему страстно хотелось иметь лошадь, да вообще хоть какое-нибудь живое животное. Люди, вынужденные ограничиваться электрическими подделками, чувствовали себя униженными и, как следствие, постепенно теряли веру в себя. Будь его воля, Рик и вообще не стал бы возиться с этой заводной игрушкой и жил бы, пока не появится возможность купить себе живое животное, вообще без никакого, но подобное поведение считалось в обществе крайне предосудительным, а если бы он даже решил наплевать на все приличия, оставалась еще Айран, которой было очень даже не все равно, как смотрят на нее соседи.

– Продать мою лошадь? – удивился Барбур. – Это было бы попросту аморально.

– Ну продайте тогда жеребенка. Иметь двух животных – это еще аморальнее, чем не иметь ни одного.

– Да с чего вы это взяли? Многие люди держат по два, три, даже четыре животных, а у Фреда Уошборна, владельца завода по переработке водорослей, на котором работает мой брат, их целых пять. Вы не читали во вчерашней «Кроникл» статью про его утку? Самая большая, самая тяжелая утка московской породы на всем Тихоокеанском побережье.

Одна уже мысль о подобном сокровище привела Барбура в блаженное состояние, близкое к трансу.

Покопавшись в карманах, Рик извлек мятую, затертую брошюрку – январское приложение к «Каталогу животных и птиц» фирмы «Сидни». Заглянув в алфавитный указатель, он нашел раздел «Жеребята. См. Лошади, потомство» и через несколько секунд авторитетно заявил:

– У «Сидни» я могу купить жеребенка першерона за пять тысяч.

– Нет, – качнул головой Барбур, – не можете. Посмотрите повнимательнее, там же курсив, это значит, что в данный момент жеребят у них нет, а цена – предположительная, на случай, если вдруг появятся.

– Ну ладно, – сказал Рик. – А что, если я буду платить вам по пятьсот долларов в месяц? За десять месяцев это будет пять тысяч, полная каталожная цена.

– Вот и видно, Рик, – снисходительно улыбнулся Барбур, – что вы ничего не понимаете в лошадях. Ну почему, по-вашему, у «Сидни» нет в предложении жеребят-першеронов? Да потому, что их никто не хочет продавать, даже и за полную каталожную цену. Першероны – большая редкость, их, даже самых плохоньких, днем с огнем не найдешь. – Он перегнулся через невысокий забор, разделявший два их «поместья», и подкрепил свой страстный монолог не менее страстной жестикуляцией. – Вот она, Джуди, она у меня уже целых три года, и за все это время я ни разу, ни разу не видел ей равных. Я сам летал за ней в Канаду, а потом сам же привез ее сюда, а то ведь могли по дороге украсть. Да что там украсть, где-нибудь в Колорадо или Вайоминге, там и убить могут за милую душу, лишь бы получить такую лошадь. И знаете почему? Потому что до Финальной Всеобщей были буквально сотни...

– Но разве то, – прервал его Рик, – что у вас будут две лошади, а у меня – ни одной, не войдет в противоречие со всей теологической и моральной структурой мерсеризма?

– Кой черт, ведь у вас же есть этот баран, и никто не мешает вашему восхождению в личной жизни, а тот, кто крепко сжимает две рукояти сострадания, приближается достойно. Вот если бы у вас не было этого барана, тогда бы еще я мог усмотреть в вашей позиции какую-то логику. Само собой, если бы у меня было два животных, а у вас ни одного, я пусть и частично, пусть и косвенно, но лишил бы вас возможности истинного слияния с Мерсером. Но ведь у каждой семьи, живущей в этом здании, – по моим прикидкам, их тут около пятидесяти, по одной на каждые три-четыре квартиры, – у каждой из наших семей есть то или иное животное. У Грейвсона, – Барбур махнул рукой куда-то на север, – у него там курица. Оукс с женой держат эту здоровенную рыжую собаку, которая лает по ночам. У Эда Смита... – Он смолк и задумался. – У Эда есть в квартире кот, только никто этого кота еще не видел, так что дело темное.

Рик подошел к своему барану, сел на корточки, покопался в густой роскошной шерсти (хоть она-то была самая настоящая) и не без труда нашел управляющую панель.

– Вот, смотрите, – крикнул он потрясенному Барбуру и снял с панели шерстяную декоративную крышку. – Теперь-то вам понятно, почему я так хочу этого жеребенка?

– Бедняга, – вздохнул Барбур после долгого, не меньше минуты, молчания. – И это что же, так оно всегда у вас и было?

– Нет. – Рик аккуратно закрыл крышкой прямоугольную проплешину в спине электрического барана, встал и повернулся к соседу. – Сперва у меня был настоящий баран. Отец моей Айран эмигрировал и оставил его нам. А потом, с год назад... помните тот раз, когда я возил его к ветеринару? Тогда вы тоже появились здесь раньше меня, а потом пришел я, а он лежал на боку и не мог подняться.

– Да, – кивнул Барбур, – и вы его подняли. Вы поставили его на ноги, а он походил минуту-другую и снова упал.

– У овец, – вздохнул Рик, – у них какие-то болезни непонятные. Ну, или можно так сказать, что болезни у них бывают самые разные, а симптомы всегда одни и те же: овца лежит на боку и не может встать, и никак не поймешь, что это с ней – то ли ногу слегка повредила, то ли от столбняка умирает. Вот с моим бараном как раз так и было: он умер от столбняка.

– Здесь? – удивился Барбур. – На нашей крыше?

– Сено, – объяснил Рик. – В тот раз я плохо снял с тюка проволоку, оставил кусок, и Граучо¹ – так я его звал – поцарапался и подхватил столбняк. Я отнес его к ветеринару, там он и умер, а я подумал-подумал, а потом пошел в одно из этих ателье, где делают животных,

---

¹ Кличка Граучо (ворчун, брюзга), несомненно, дана барану в честь Юлиуса Генри (Граучо) Маркса (1890–1977) – самого знаменитого из четверых братьев Маркс, легендарных американских комиков. (Здесь и далее прим. перев.)

и показал им фотографию Граучо. Они изготовили мне вот это. – Он показал на фальшивое животное, все еще не расстававшееся с надеждой заполучить овсяные хлопья, судя по тому, как внимательно следило оно за всемогущими руками хозяина. – Слов нет, первоклассная работа. Я уделяю ему ничуть не меньше времени и внимания, чем тому, настоящему, и все равно... – Он пожал плечами.

– Это не одно и то же, – закончил за него Барбур.

– Хотя – почти. Я испытываю почти те же чувства, а слежу за его здоровьем едва ли не больше, чем прежде. Потому что он может сломаться, и все соседи узнают. Я уже шесть раз отдавал его в ремонт, всё по разным пустякам, которые здесь же, при мне, в минуту исправляли, но заметь кто-нибудь такой, скажем, пустяк, как когда у него забарахлил голосовой механизм и он начал безостановочно блять, тут бы и стало ясно, что он – фальшак, потому что уж это была явно механическая неисправность, болезней таких не бывает. А фургон ремонтной мастерской, – добавил Рик, – имеет, конечно же, надпись «Ветеринарная лечебница такая-то», и водитель у них одет в белое, как ветеринар. Ну ладно, – заторопился он, вспомнив о времени, – мне надо бежать на работу. Увидимся вечером.

– Э-э-э, – пробормотал Барбур в спину уходящему Рiku. – Подождите, пожалуйста. Вы, ну, не бойтесь насчет соседей, я ничего им не скажу.

Рик был уже готов рассыпаться в благодарностях, но осекся, вдруг ощутив черную, беспросветную тоску, вроде той, о которой говорила Айран.

– Не знаю, – сказал он вяло, – может, и не надо ничего скрывать, ну какая мне разница?

– Как это – какая? Они же станут смотреть на вас свысока – не все, конечно же, но некоторые. Вы же знаете, как относятся люди к тем, кто не хочет иметь животное, они воспринимают такое поведение как аморальное и антисочувственное. Юридически оно уже не является преступным, как когда-то, сразу после Финальной Всеобщей, но отношение общества осталось практически тем же.

– Господи! – горестно воскликнул Рик. – Да я же хочу иметь животное, хочу, но никак не могу купить. На мое жалованье, жалованье муниципального служащего, далеко не разбежишься.

Вот если бы, думал он, мне еще раз повезло, вроде как два года назад, когда я за один только месяц уложил четырех андров. Знай я тогда, что Граучо скоро умрет... да откуда такое можно знать заранее. А потом – этот двухдюймовый, острый как иголка обломок упаковочной проволоки...

– А почему бы вам не купить себе кошку? – предложил Барбур. – Они же совсем не дорогие, вот посмотрите в каталоге «Сидни».

– Кошку? – обиделся Рик. – Да не хочу я никакую кошку, и собаку тоже не хочу. Я люблю всех этих квартирных неженков, которые спят на диване и лакают молочко из блюдечка. Я хотел бы купить большое, серьезное животное – барана, как был у меня раньше; если хватит денег, так и бычка – или лошадь, вроде как у вас.

И всего-то и надо, подумал он, чтобы снова повезло. Нейтрализовать пять андров – и все будет в порядке. Каждый андик – это плюс тысяча к жалованью. А уж с пятью-то тысячами в кармане я быстро найду то, что мне надо, даже если цена в каталоге напечатана курсивом. Пять тысяч долларов, но для этого требуется выполнение нескольких не зависящих от него обстоятельств. Первым делом нужно, чтобы с одной из колонизированных планет на Землю пробрались пять андров. И чтобы они решили поселиться не где-нибудь еще, где за ними будут гоняться охотники из других полицейских агентств, а именно здесь, в Северной Калифорнии, а еще – чтобы Дэйв Холден, главный здешний охотник, умер или вышел на пенсию.

– А то купите себе сверчка, – пошутил Барбур. – Или мышь. А что, за двадцать пять долларов вам продадут большую шикарную мышь.

– Ваша лошадь, – процедил Рик, – тоже может умереть, абсолютно неожиданно, как мой Граучо. Вот вернетесь вы сегодня с работы, а она лежит на спине, ногами вверх, как навозный жук или этот, как вы говорили, сверчок.

Он достал из кармана ключ, повернулся и пошел к своей машине.

– Простите, если я вас обидел. – Голос Барбура нервно подрагивал.

Рик молча открыл дверцу своего хOVERкара². Он уже жалел, что разоткровенничался с соседом, и совершенно не хотел продолжать бессмысленный разговор.

---

² Ховеркар – транспортное средство на воздушной подушке.

Глава 2

На всех этажах огромного, безнадежно запущенного здания, где жили когда-то тысячи людей, царила кладбищенская тишина, и лишь в одной из его комнат включенный телевизор назойливо расхваливал свой товар перед предполагаемыми, но отсутствующими слушателями.

Это только сейчас дом стал бесхозной трущобой, а до Финальной Всеобщей Войны у него были и хозяева, и заботливые зрители. В те времена здесь был один из спальных пригородов Сан-Франциско, удобно связанный с самим городом ниткой скоростного монорельса и кипевший, подобно всему полуострову, жизнью, шумной и суматошной, как птичий базар. Теперь же и рачительные хозяева дома, и аккуратные зрители, и шумные жильцы либо умерли, либо съехали на одну из колонизируемых планет. Умерших было больше – война оказалась очень тяжелой и кровопролитной, вразрез со всеми шапкозакидательскими прогнозами Пентагона и его высокопоставленных прихлебателей из «Рэнд Корпорейшн», каковая, к слову сказать, базировалась примерно в этих же местах. Подобно жильцам дома, эта корпорация то ли скончалась, то ли куда-то съехала, никого этим, впрочем, не опечалив.

Интересно заметить, что к этому времени никто уже фактически не помнил, из-за чего разгорелась столь страшная война и кто в ней победил (да и вообще, победил ли кто-нибудь). Смертоносная пыль, покрывшая всю планету, отнюдь не была чьим-то дьявольским оружием; более того, ни один из участников конфликта не ожидал ничего подобного. Первыми погибли совы. Это было странное, неожиданное зрелище – толстые, пушистые снежно-белые птицы, десятками валяющиеся во дворах и на улицах. Живыми они не покидали своих убежищ, пока совсем не стемнеет, и потому редко попадались человеку на глаза. В Средние века чума извещала о своем приходе сотнями дохлых крыс на улицах, новая же чума обрушилась на землю сверху, с неба.

Само собой, за совами последовали и другие птицы, но к тому времени загадка была осознана и разрешена. Программа колонизации других планет стартовала еще до войны, но теперь, когда солнечный свет на Земле померк от облаков смертоносной пыли, она вступила в совершенно иную фазу. По этому случаю был полностью модифицирован Синтетический Борец за свободу, первоначально разрабатывавшийся в сугубо военных целях. Получив способность функционировать в инопланетных условиях, этот человекоподобный робот, а точнее, биологический андроид стал важнейшим подспорьем для широкомасштабной программы колонизации. Согласно принятому ООН закону, каждый эмигрант получал в полную собственность андроида любой, по своему выбору, модели. А выбрать было из чего: к 2019 году количество этих моделей превысило всяческое разумение – на манер моделей американских автомобилей в шестидесятые годы прошлого века.

Вот это и были основные стимулы к эмиграции: радиоактивные осадки как кнут и безотказный синтетический слуга как пряник. ООН приняла такие законы, что эмигрировать было просто и даже соблазнительно, а остаться на Земле – опасно, причем опасно вдвойне. Человек, слишком уж долго тянувший с решением, уезжать ему или нет, рисковал попасть при очередном медицинском обследовании в отверженную касту биологически неприемлемых, представляющих потенциальную угрозу для девственной чистоты людского генофонда. Даже согласившись на стерилизацию, полноправный вроде бы гражданин с пометкой «аномал» в медицинской карте выпадал из жизни, по существу – переставал быть частью рода человеческого. И при всем при том находились люди, отказывавшиеся эмигрировать, что шло вразрез с элементарнейшей логикой и повергало в полное недоумение не только всех окружающих, но даже и их самих. По идее, все нормалы должны были уже эмигрировать. Скорее всего, даже в таком изуродованном и испоганенном виде Земля оставалась для людей родной, близкой и понятной, в отличие от неведомых космических далей. А может, не спешившие уехать подсо-

знательно надеялись, что пелена пыли как-нибудь так постепенно рассосется. Так или иначе, но на Земле все еще оставались тысячи и тысячи людей, по большей части они кучковались в городах, поддерживая и ободряя друг друга своим соседством. Но кроме этих относительно нормальных (психически нормальных) людей были и другие, более сомнительные, селившиеся в безлюдных пригородах.

Именно к этим последним и принадлежал Джон Изидор, в чьей комнате долдонил телевизор, пока сам он брился в ванной.

Он забрел сюда совершенно случайно вскоре после войны. В эти жуткие времена ни один человек толком не понимал, что он делает, тем более – что ему следует делать. Лишившись родного крова, сорванные с места люди бродили по стране, сбивались в стаи, селились на какое-то время в одном месте, мигрировали в другое. Радиоактивная пыль сыпалась тогда на землю лишь время от времени и очень неравномерно: если одни штаты были насыщены ею под завязку, другие оставались практически чистыми. Перемещалась пыль, перемещались и люди. Полуостров к югу от Сан-Франциско относился первое время к чистым, и там скопилось довольно много поселенцев. Когда появилась пыль, кое-кто из людей умер, остальные ушли. Джон Изидор остался.

– ...наяву возрождает патриархальную идиллию южных штатов, какими те были до Гражданской войны! – вопил телевизор. – По прибытии на место вы получите – получите абсолютно бесплатно – гуманоидного робота, с равным успехом способного быть как вашим личным слугой, так и безотказным неутомимым работником, ИЗГОТОВЛЕННЫМ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ВАС, В СООТВЕТСТВИИ С ВАШИМИ ЛИЧНЫМИ НУЖДАМИ, и полностью оснащенным всем, что вы заказали перед отъездом. Этот верный, никогда не перечаший вам соратник по самому дерзновенному в истории человечества предприятию...

И так далее, и так далее.

Не опоздать бы на работу, думал Изидор, торопливо добываясь. Дело в том, что часов у него не было, а телевизор не передавал сегодня сигналов точного времени – по случаю, надо думать, Дня Бескрайних Горизонтов, пятой (или уже шестой?) годовщины основания Нью-Америки, главного американского поселения на Марсе. Ну, может, по каким-нибудь каналам эти сигналы и шли, но его неисправный телевизор принимал один-единственный канал – тот, который был национализирован в начале войны, да так национализированным и остался, в результате чего Изидору приходилось смотреть исключительно программы, спонсируемые вашингтонским правительством и чуть ли не полностью посвященные программе колонизации.

– Ну а теперь давайте послушаем миссис Мэгги Клугман, – предложил телевизионный ведущий (начисто игнорируя интересы Джона Изидора, который сейчас знать ничего не хотел, кроме времени). – Наш корреспондент в Нью-Нью-Йорке записал для вас очень интересное интервью с миссис Клугман, недавно эмигрировавшей на Марс.

– Миссис Клугман, – произнес после небольшой паузы другой мужской голос, – чем отличается ваша жизнь здесь, в мире безграничных возможностей, от жизни прежней, жизни на отравленной и безнадежно испоганенной Земле?

– Больше всего тем, – сказал хриловатый усталый голос немолодой, как видно, женщины, – что здесь и я, и остальные члены нашей семьи (нас трое) впервые узнали, что такое чувство собственного достоинства.

– Чувство собственного достоинства? – переспросил интервьюер.

– Да, – подтвердила свежиспеченная нью-нью-йоркчанка миссис Клугман. – Это трудно объяснить, но когда у тебя есть слуга, на которого можно во всем положиться... Это вселяет уверенность, дает твердую почву под ногами, столь необходимую в эти беспокойные времена.

– А там, на Земле, вас, миссис Клугман, никогда не тревожила возможность попасть однажды в категорию, э-э-э, так называемых «аномалов»?

– О, и я, и мой муж, мы оба до смерти этого боялись. Само собой, теперь, переехав сюда, мы навсегда избавились от этого страха.

И я тоже, криво усмехнулся Джон Изидор. И даже уезжать никуда не потребовалось. Он попал в аномалы год с лишним назад, и не только из-за искалеченных генов. Заваленный тест на минимальные умственные способности безжалостно отбросил его в число так называемых «недоумков». Обрек на высокомерное презрение жителей всех трех планет. Однако Джон выжил. Он водил доставочный фургон фирмы по ремонту фальшивых животных «Ван-Нессовская ветеринарная клиника», и начальник, хмурый и грубоватый мистер Слоут, относился к нему ничуть не хуже, чем ко всем нормальным людям, за что Джон платил ему искренней благодарностью.

– *Mors certa, vita incerta*³, – говорил иногда мистер Слоут.

Хотя Изидор слышал эту фразу не раз и не два, смысл ее доходил до него смутно. Но, с другой стороны, умей недоумок разбираться в латыни, он уже не был бы недоумком, с чем не мог не согласиться и мистер Слоут. Да и вообще, недоумок недоумку рознь, многие из них были несравненно глупее Изидора, не могли удержаться ни на какой работе и жили по необходимости в приютах, своеобразно именовавшихся «отделениями Американского института аномальных трудовых навыков» (не совсем понятное в данном контексте слово «аномальных» не позволяло забыть, для кого предназначены эти заведения).

– ...и ваш супруг, – говорил интервьюер, – не слишком полагался на защитные свойства дорогих, тяжелых и неудобных просвинцованных штанов?

– Мой супруг... – начала было миссис Клугман, но тут покончивший с бритьем Изидор вышел в гостиную и выключил телевизор.

Тишина. Она обрушилась на Джона со всех сторон, сдавила его с неодолимой парализующей силой. Вязкой гнетущей волной поднималась она снизу, от замызганного серого паласа, душными клубами накатывала из кухни, от мертвой, еще до Джона поломанной бытовой техники. Тишина сочилась из навсегда потухшего торшера, мешаясь с тишиной, беззвучно падавшей откуда-то сверху, с загаженного мухами потолка. Перечислять бессмысленно – тишина стремилась заместить собой все нормальные, осязаемые вещи.

В качестве первого шага на этом пути она обретала чуждые ей вроде бы зрительные формы. Стоя рядом с заглушим и ослепшим телевизором, Джон Изидор ощутил тишину как видимую и даже в некотором роде живую. Живую! Он десятки, сотни раз видел, слышал ее леденящий приход, она врвалась с грубой бесцеремонностью, словно взбешенная, что ее так долго промурыжили в прихожей. Молчание мира не могло, не хотело сдерживать свою алчность. Ну какие там церемонии, когда победа почти уже одержана?

Вот интересно, а другие, кто остался на Земле, они тоже воспринимают запустение подобным образом или это фокусы его собственных скособоченных механизмов восприятия? Хорошо бы с кем-нибудь поговорить, сравнить свои впечатления, но только с кем? На тысячи квартир этого слепого, глухого, день ото дня приходящего во все большее запустение дома всего лишь один жилец – он сам, Джон Изидор. Со временем все находящееся в этом доме сольется в нечто вроде рыхлого тошнотворно-бледного пудинга, в безликую однородную массу, которая заполнит все квартиры от пола до потолка, а позднее и само заброшенное здание станет бесформенной грудой, укроется серым рыхлым саваном из вездесущей пыли. Само собой, меня к тому времени уже не будет – еще одно любопытное обстоятельство, требующее серьезного осмысления, думал он, стоя посреди комнаты, один на один со всесильной, всепроникающей, торжествующей тишиной.

Лучше, наверное, было бы снова включить телевизор, но Джона пугали рекламные ролики, нацеленные сугубо на нормалов. Они снова и снова напоминали ему, что он, аномал,

---

³ Смерть достоверна, жизнь неверна (*лат.*).

никому не нужен. Низачем не нужен. Не может – даже при желании – эмигрировать. Ну и на хрена ж тогда слушать весь этот треп? – спросил он себя. На хрена? Шли бы они подальше со всеми своими колонизациями. Вот начнется там, на этом самом Марсе, война – а такое ведь тоже возможно, – и будет у них точно так же, как здесь, на Земле. И все, кто эмигрировал, быстренько превратятся в аномалов.

Ладно, подумал Джон, пора и на работу. Он открыл дверь в темный, без единой лампочки наружный коридор и отпрянул, кожей ощутив удушающую пустоту здания. Она ждала его там, хищно затаившись, всемогущая сущность, раз за разом пытавшаяся – он это чувствовал – проникнуть в его квартиру, захватить ее. Господи боже, подумал Джон и поспешно захлопнул дверь. Он не был готов к подъему по гулкой, бесконечно длинной лестнице на пустую (животного у него не было) крышу. К отзвукам своих собственных шагов – отзвукам пустоты. Время взяться за ручки, решил он, и направился к черному с маленьким экраном ящику эмпатоскопа⁴.

Щелкнув тумблером, Джон с наслаждением вдохнул свежий, бодрящий запах озона от высоковольтного источника. Чуть позже, когда прогрелась трубка, на тускловатом экранчике проступило бессмысленное пока изображение – пестрая мешанина цветных пятен, линий и контуров. Джон Изидор глубоко вздохнул, чтобы хоть немного себя успокоить, и взялся за ручки прибора.

И тут же из заполнявшей экран мозаики выкристаллизовалась всемирно известная картина: склон холма, бурые угловатые камни да пучки белесой высохшей травы, косо торчащие вверх. По склону медленно бредет одинокая фигура – очень немолодой человек в длинном бесформенном балахоне, безрадостный цвет которого словно позаимствован у тусклого враждебного неба. Старик – Уилбур Мерсер – упорно тащился вверх, а Джон Изидор все крепче сжимал ручки и постепенно впадал в нечто вроде транса. Грязные стены, обшарпанная мебель – все это отступало в никуда, растворялось в туманном мареве, превращалось в тот же, что и на экране, пейзаж: грязно-бурый, иссохший склон холма под мутным, бездушным небом. Джон Изидор уже не смотрел на мучительно трудное восхождение старика к неведомым высотам, это его, его собственные ноги скользили на неверной осыпи, это в его ступни врезались острые грани каменного крошева, в его горле першило от едкого запаха неземного далекого неба, ставшего близким благодаря этому чудесному устройству – эмпатоскопу.

Он снова, как и сотни раз прежде, оказался в чужом, угрожающе-враждебном мире, испытал полное – не только физическое, но и духовное – слияние с Уилбуром Мерсером. То же самое происходило с каждым из тех, кто сжимал сейчас ручки своего эмпатоскопа – на Земле или на одной из колонизируемых планет. Джон Изидор ощутил их тысячеголовую массу, влился в разногласицу их мыслей, услышал в своем мозгу гул их многоличностного бытия. Их – и его – волновало сейчас лишь одно: как полнее слить все свои душевные силы в едином стремлении преодолеть этот мучительно трудный подъем? Они восходили шаг за шагом, столь медленно, что прогресс был почти неощутим. И все же он был. Все выше, и выше, и выше, думал Джон, слушая, как сыплется вниз потревоженные его ногами камни. Сегодня мы выше, чем вчера, а завтра... он – из многих сложенный Уилбур Мерсер – взглянул вперед на предстоящий подъем. Нет, конец еще не виден. Слишком далеко. И все же когда-то восхождение завершится, завершится обязательно.

Кем-то брошенный камень ударил Джона в руку. Он почувствовал резкую боль, и тут же второй, не столь меткий камень пролетел в метре от его головы и громко ударился о перекошенную землю. Кто это швыряется? Джон прищурился, пытаясь разглядеть своего мучителя. Древний недруг следовал за ним неотступно, но при этом никогда не давал взглянуть на себя прямо, а только смутно маячил на краю поля зрения. И не было никакой надежды, что он – а может, их там много? – отстанет, так будет продолжаться до самой вершины.

---

⁴ Эмпатия – сочувствие, сострадание.

Вершина... Он вспомнил свою радость, когда склон выровнялся – и как впереди открылся новый, столь же крутой подъем. Сколько уже раз повторялось такое? И все эти разы смешались воедино, прошлое слилось с будущим; то, что он уже испытал, спланилось с тем, что ему еще предстояло испытать, слилось в этот единственный момент, когда он стоит, дав себе минуту отдыха, и осторожно трогает правой рукой глубокую ссадину на левой, оставленную острым камнем. Господи, думал он, разве это справедливо? Зачем я здесь? Почему я совсем один? Почему я безропотно терплю все эти муки – и даже не могу увидеть своих мучителей? И словно в ответ, многоголосый гомон всех прочих участников единого восхождения стер, без следа уничтожил недолгую иллюзию одиночества.

Вы ведь тоже это почувствовали, подумал он. Да, ответили голоса. Нас шарахнули камнем по левой руке, а теперь она ноет как неизвестно что. Ладно, сказал Джон, отдохнули – и хватит. Он продолжил восхождение, остро ощущая, что и они сделали то же самое.

Когда-то, вспомнил он, все было иначе. До того, как пало это проклятие, в ранней, более радостной части его жизни. Приемные родители, Фрэнк и Кора Мерсер, сняли его с авиационного спасательного плота, и было это у побережья Новой Англии... или у мексиканского побережья в районе Тампико? Он уже точно не помнил. Детство оставило самые приятные воспоминания, он любил все живое, а особенно животных, и одно время даже умел восстанавливать мертвых животных в их прежнем виде. Он жил в компании кроликов и жуков (знать бы только, что это такое) то ли на Земле, то ли в одной из колоний, это тоже забылось. А вот убийцы засели в его памяти намертво, потому что они арестовали его как дегенерата, более аномального, чем любой другой аномал, и с этого момента все переменялось.

Местное законодательство строжайше запрещало обращение времени, посредством которого он возвращал животных к жизни. На шестнадцатом году жизни ему особо это напомнили. С год или около того он продолжал свое благое дело потихоньку, в глуши чудом сохранившегося леса, но потом об этом растрезвонила какая-то абсолютно ему незнакомая старуха. И вот тогда-то они – эти убийцы – излучением радиоактивного кобальта выжгли узелок в мозгу, отличавший его ото всех прочих людей. Даже не заручившись согласием родителей. Он провалился в какой-то другой, незнакомый и невероятный мир, в бездну, заваленную трупами и мертвыми костями, и потратил бесчисленные годы на тщетные попытки выбраться из этого кошмара. Существа, пользовавшиеся его особой любовью, осел и жаба, исчезли полностью, перешли в траурный разряд «вымерших», вокруг не было ничего, кроме догнивающих останков жизни – здесь безглазый череп, там кусок чьей-то ладони. В конце концов птица, прилетевшая умирать, рассказала ему, что это за место. Он провалился в могильный мир и не выберется из него, пока все эти кости не превратятся вновь в живых существ. Некоторым образом он включился в метаболизм их жизней и не сможет воскреснуть, пока не воскреснет последний из них.

Он не знал, как долго продолжалась эта стадия, потому что на ней не было никаких событий, отмечавших время. Но в конце концов голые кости обрели плоть, пустые глазницы снова заполнились зрячими глазами, сформировавшиеся из праха и гнили пасти и клювы стогласо залаляли, завывали и зачирикали. Может, это сделал он – силой восстановившегося экстрасенсорного мозгового центра, – а может, и не он, и все произошло естественным образом. Так или иначе, он уже больше не погружался, а начал подниматься вместе со всеми остальными. Только вот как-то так вышло, что он потерял всех из виду и поднимался теперь вроде как в одиночестве. Однако они тоже были здесь, они продолжали его сопровождать, он ежесекундно чувствовал их присутствие, правда, почему-то не рядом, а внутри себя.

Изидор стоял, упиваясь ощущением, что объемлет своим телом все живые существа в мире. А затем вздохнул и неохотно выпустил ручки эмпатоскопа. Ничего не поделаешь, все когда-нибудь кончается, к тому же ушибленная рука саднила и кровоточила.

Он осмотрел глубокую ссадину, еще раз вздохнул и направился в ванную. Это была не первая кровь, пролитая им в процессе слияния с Мерсером, и наверняка не последняя. Да что

там кровь, люди послабее и постарше зачастую вообще умирали, особенно на последнем перед вершиной участке восхождения, где незримые мучители брались за дело всерьез. Смогу ли я пройти через это еще раз? – думал Джон Изидор, промывая ссадину. Сердце же может не выдержать. Вот живи я в городе, где при каждом, считай, здании есть врач, а у врача – этот самый электроимпульсный прибор... Здесь, в полном одиночестве, риск возрастает стократно.

Но он знал, что все равно будет рисковать, снова и снова. Так делали почти все люди, даже совсем уже дряхлые старики, у которых и так не понять, в чем душа-то держится.

Он промокнул ссадину бумажной салфеткой, смазал ее йодом и услышал приглушенные звуки телевизионной рекламы.

Так это что же, поразился Джон Изидор, здесь, в этом здании, поселился кто-то еще? Мой телевизор выключен, да к тому же звук определенно доносится снизу, с другого этажа!

Теперь я здесь не один, понял он. Сюда въехал еще один жилец, и он поселился где-то близко, иначе бы я его не услышал. Этажами двумя ниже, ну, максимум тремя. Так, так, так, а что же принято делать, когда появляется новый сосед? Заходят к нему в гости под предлогом, что надо вроде бы одолжить что-то там по хозяйству. Джон знал такие вещи исключительно понаслышке, такого в его жизни еще не случилось, ни в этом доме, ни где-нибудь еще. Люди съезжали, люди эмигрировали, но никто еще ни разу не въезжал.

Нет, решил он, скорее наоборот, полагается что-нибудь им отнести. Чашку воды... да нет, скорее уж молока. Молоко, или муку, или яйцо, вернее – его синтетический заменитель.

Заглянув в холодильник – давным-давно вышедший из строя, так что фактически это был просто шкафчик, – Джон обнаружил весьма сомнительную пачку маргарина, прихватил ее и почти выбежал из квартиры. Мне нельзя показывать, как я возбудился, думал он, спускаясь по лестнице. Нельзя показывать, что я недоумок, а то он не станет со мной разговаривать, так всегда бывает, не знаю только почему.

Он взял себя в руки и перешел на медленный, степенный шаг.

Глава 3

По дороге на работу Рик Декард, подобно многим своим согорожанам, надолго задержался перед этим едва ли не самым крупным в городе зоомагазином. Страус, выставленный в прозрачной, обогреваемой клетке на самом видном месте огромной, в квартал длиною, витрины, взглянул на него круглым, как бусина, глазом и равнодушно отвернулся. Согласно выставленной тут же табличке, этот голенастый, долгошей персонаж только что прибыл из Кливлендского зоопарка и являлся единственным страусом на всем Западном побережье. Власть наглядевшись на огромную птицу, Рик мрачно изучил ценник, а затем направился по Ломбард-стрит к видневшемуся неподалеку Дворцу правосудия и оказался на своем рабочем месте с совсем небольшим, в четверть часа, опозданием.

Не успел он отпереть дверь своего кабинета, как в коридоре появился рыжий, лопоухий, мешковато одетый, но при этом очень толковый и цепкий, мгновенно подмечавший все маломальски существенные детали любого дела инспектор полиции Гарри Брайант, бывший его непосредственным начальником.

– Рик, – сказал инспектор Брайант, – подойди к половине десятого в кабинет Дэйва Холдена. – Говоря, он продолжал перелистывать пачку машинописных сводок. – Сам-то Холден угодил в больницу «Маунтион» с дыркой от лазера в позвоночнике. Он проваляется там не меньше месяца, пока не приживется биопластиковый трансплантат.

– А как это его угораздило?

По спине Рика пробежал неприятный холодок. Еще вчера главный в городе охотник на андроидов пребывал в полном здравии; после работы он, как обычно, улетел на своем хOVER-каре в престижный густонаселенный район Ноб-Хилл.

Вместо ответа Брайант еще раз пробормотал что-то насчет половины десятого у Дэйва и удалился.

Минуту спустя, сядя за скромный канцелярский стол, Рик услышал от двери голос своей секретарши Энн Марстен:

– Мистер Декард, а вы слышали, что случилось с мистером Холденом? Его подстрелили.

Войдя следом за ним в душное, наглухо закупоренное помещение, она первым делом включила приточную вентиляцию – снабженную, естественно, надежной системой фильтров.

– Да, – кивнул Рик.

– Ну вот точно это сделал один из этих шибко хитрых розеновских андиков, – затараторила мисс Марстен. – Вы читали информационную брошюру и спецификационные перечни? Они ставят теперь мозговой блок «Нексус-шесть», работающий с полем из двух триллионов составляющих элементов или десяти миллионов независимых нейронных путей. Без вас тут утром был интересный звонок по видеофону, – добавила она, понизив голос чуть не до шепота. – Мне рассказала мисс Уайльд, он прошел через коммутатор ровно в девять.

– Входящий? – вяло поинтересовался Рик.

– Исходящий. Мистер Брайант звонил в русское отделение Международной полицейской организации. Спрашивал, не хотят ли они возбудить официальный иск против восточного представительства ассоциации «Розен».

– Так это что же, Гарри все еще носит с идеей убрать блок «Нексус-шесть» с рынка? – Рик ничуть не удивился. Уже в августе две тысячи двадцатого года, как только были обнародованы спецификации и технико-эксплуатационные характеристики нового мозгового блока, со стороны полицейских агентств, занимавшихся беглыми андроидками, посыпались возмущенные протесты. – Пустое дело, как мы ничего не смогли сделать, так и они не смогут. – (Главное предприятие производителей «Нексуса-шесть» находилось на Марсе, а потому они имели право руководствоваться не земными, а колониальными законами.) – Пора бы нам успокоиться

и просто принять существование этой новинки как данность. Так ведь бывает каждый раз, когда появляется новый, заметно усовершенствованный мозговой блок. Вот как сейчас помню, что началось в восемнадцатом, когда судерманновцы выкинули на рынок свой «Т-четырна-дцатый». Все полицейские агентства Западного полушария горланили наперебой, что его не выявишь никаким тестом, и ведь они были правы – на тот момент.

На Землю тогда пробрались свыше полусотни андроидов с «Т-четырна-дцать», и их довольно долго – в некоторых случаях до года с лишним – не могли обнаружить. Но затем русские из Павловского института разработали тест Фойгта на эмпатию, что и подвело под этой историей черту: насколько было известно Рiku, через новый русский тест не сумел еще проскочить ни один «Т-четырна-дцатый».

– А хотите послушать, что сказали ему русские полицейские? – Веснушчатое лицо мисс Марстен сияло, как хорошо подрумяненный блин. – Я ведь и это знаю.

– Да ладно, – отмахнулся Рик. – Гарри сам мне все расскажет.

Конторские слухи приводили его в тихое бешенство, и не своей надуманностью, а, наоборот, тем, что всегда оказывались верными. Расположившись за своим столом, он начал демонстративно копаться в одном из его ящиков и занимался этим, пока мисс Марстен не уда-лилась.

Тогда он извлек из ящика изрядно потертый желтый конверт, где лежали все имеющиеся данные по «Нексусу-6».

Мисс Марстен была, как всегда, права. «Нексус-6» имел два триллиона составных эле-ментов и свободу выбора в поле десяти миллионов возможных типов мозговой деятельности. Андроид с таким мозговым блоком может за 0,45 секунды сформировать любую из четырна-дцати базовых реакций. Да, такого анди не расколешь никаким интеллектуальным тестом. Что, в общем-то, не фокус – интеллектуальные тесты не страшны ни одному из современных андро-идов, на такую ерунду попадались только грубые, примитивные модели семидесятых годов прошлого века, поголовно утилизированные десятки лет назад.

А уж что касается андроидов с «Нексусом-6», они превосходили по интеллекту очень и очень многих людей. С точки зрения грубо-прямолинейной, прагматической они стояли на более высокой ступени развития, чем большая (хотя далеко не лучшая) часть человечества. Плохо это или хорошо, но только некоторые слуги стали посметливее своих хозяев. Однако теперь появились новые, принципиально иные методики сравнения, кто кого выше. К примеру, тот же самый тест Фойгта-Кампфа. Ни один, даже самый интеллектуально одаренный андроид не был способен на мерсеритское слияние, легко доступное любому человеку – от высоколобых интеллектуалов до самого последнего недоумка.

Рика, как и очень многих людей, занимал вопрос: почему, собственно, самый умный андроид так безнадежно пасует перед тестом на измерение эмпатии? Судя по всему, эмпатия существует только в человеческом обществе, тогда как ту или иную степень интеллекта можно обнаружить у любых животных, ну хотя бы у пауков. Надо думать, это связано, в частности, с тем, что способность к состраданию основывается на полноценном групповом инстинкте; существо, живущее по преимуществу в одиночку – тот же, к примеру, паук, – совершенно в ней не нуждается. Более того, способность к состраданию делает паука значительно менее жизнеспособным, заставив его осознать, что попавшая в паутину муха – живая и хочет жить ничуть не меньше его. Поэтому все хищники, в том числе и высокоразвитые млекопитающие вроде кошек, начисто лишены этих качеств, в противном случае они попросту сдохли бы от голода.

Так что способность к состраданию, решил он, возможна только у травоядных животных да, может быть, у тех всеядных, которые могут переходить на чисто растительную диету. И все потому, что сострадание размывает грань между охотником и добычей, между победой и поражением. Как в слиянии с Мерсером, где все вместе совершают восхождение, а потом, по

завершении очередного цикла, вместе проваливаются в трясины могильного мира. Станным образом такая, казалось бы, бескорыстная вещь, как эмпатия, оказывается оружием в борьбе за выживание, и оружием обоюдоострым. Когда одно живое существо ощущает радость, некая доля этой радости передается всем существам, способным к эмпатии, однако ровно так же страдание одного существа отбрасывает мрачную тень на всех остальных. Эмпатия благотворна для выживания стадных животных вроде человека и была бы абсолютно губительна для ястреба или кобры.

Надо понимать, человекоподобный робот являлся по сути своей хищником-одиночкой.

Во всяком случае, Рик предпочитал считать их таковыми – это делало его работу более-менее терпимой. Нейтрализуя – убивая – очередного андроида, он не нарушал главной заповеди Мерсера. Не убий, а еще не убийцу, сказал Мерсер в первый же год, когда на Земле появились черные ящички эмпатоскопов. По мере развития мерсеризма в полномасштабное религиозное учение концепция убийцы все разрасталась и усложнялась. Теперь это было абсолютное зло, цепляющееся за дырявый плащ старика, из последних сил бредущего к далекой, неведомой вершине, однако и природа, и внешний облик этого зла оставались совершенно неясными. Мерсерит не понимал зло, а чувствовал – иными словами, он был волен обнаруживать присутствие малопонятных «убийц» везде, где ни пожелает. Для Рика Декарда наидостовернейшим воплощением туманного понятия «убийца» был беглый человекоподобный робот, убивший своего хозяина, интеллектуально превосходящий большую часть людей, равнодушный к животным и не способный испытывать радость или сострадание по поводу успеха или горя других живых существ.

Мысль о животных напомнила Рiku про страуса в витрине зоомагазина. Отложив на время спецификации мозгового блока «Нексус-6», он взял из баночки щепотку «Нюхательной смеси миссис Сиддонс 3 + 4» и задумался. Затем взглянул на часы, убедился, что время еще есть, поднял трубку настольного видеофона и попросил мисс Марстен связать его с зоомагазином «Веселый песик» на Саттер-стрит.

– Сейчас, сэр, – сказала мисс Марстен, открывая телефонный справочник.

Да нет, не может быть, чтобы эти живодеры надеялись получить за своего страуса такие бешенные деньги, думал Рик. Наверняка они считают, что покупатель сдаст в качестве частичной оплаты какое-нибудь свое животное, как это делали когда-то с автомобилями.

– Зоомагазин «Веселый песик», – объявил сочный мужской голос, и на Риковом экране появилось крошечное жизнерадостное лицо.

Было слышно, как в магазине завывает какое-то не очень веселое животное.

– Этот страус у вас на витрине, – сказал Рик, рассеянно поигрывая керамической пепельницей, – какой за него нужен первоначальный взнос?

– Ну, – сказал продавец, берясь за блокнот и карандаш, – давайте посмотрим. Тридцать процентов вперед. Но возможны варианты... – Он ненадолго задумался. – Позвольте спросить вас, сэр, вы не думаете сдать что-нибудь в счет оплаты?

– С этим я не совсем еще решил.

– Мы могли бы дать вам рассрочку на тридцать месяцев, – предложил продавец. – С низкой, смехотворно низкой кредитной ставкой шесть процентов в месяц. Тогда после весьма умеренного начального платежа ваш ежемесячный взнос составит...

– А почему бы вам не снизить цену? – прервал его Рик. – Сбросьте две тысячи, и я не буду ничего вносить взамен, расплачусь наличными.

Дэйв Холден, думал он, временно выпал из обращения. Это может заметно поправить мои дела – если только месяц не окажется пустым.

– Сэр, – сказал продавец, – наша цена и так на тысячу долларов ниже каталожной. Проверьте сами в своем «Сидни», я подожду. Я хочу, чтобы вы лично убедились в разумности нашей цены.

Суровые ребята, подумал Рик, такие не уступят. Однако нужно было продолжать начатую игру. Он достал из кармана сильно помятое приложение к «Сидни», нашел раздел «Страус» с подразделами «самка – самец», «молодой – старый», «здоровый – больной», «новый – б/у» и пробежал глазами по ценам.

– Новый, самец, молодой, здоровый, – гордо сообщил продавец. – Тридцать тысяч долларов. – Он держал в руке точно такую же, разве что почище, брошюру. – Как вы сами видите, мы просим ровно на тысячу меньше каталога. Так вот, ваш первоначальный взнос составит...

– Я еще подумаю и перезвоню вам, – сказал Рик и потянулся к аппарату, чтобы прервать связь.

– Извините, – заторопился продавец, – а как вас звать?

– Фрэнк Мэриуэлл, – без запинки соврал Рик.

– А какой у вас адрес, мистер Мэриуэлл? Это на случай, если, когда вы позвоните, меня не будет на месте...

Рик ляпнул первый попавшийся адрес и положил трубку видеофона на рычаг. Двадцать девять тысяч, думал он, это ж просто с ума сойти. И ведь кто-то купит, обязательно. Есть люди, для которых такие деньги просто тьфу.

– Мисс Марстен, – сухо сказал он, сняв трубку, – дайте мне внешнюю линию. И не слушайте, пожалуйста, этот разговор, он конфиденциальный.

– Хорошо, сэр. – Мисс Марстен негодующе передернула плечами. – Можете набирать, сэр.

Она ушла с линии, оставив своего начальника наедине с внешним миром.

Рик набрал – по памяти – номер мастерской, где он заказывал когда-то своего эрзац-барана. На экранчике видеофона появился представительный господин в халате и шапочке хирурга-ветеринара.

– Доктор Макрей, – представился эрзац-ветеринар. – Чем могу быть полезен?

– Моя фамилия Декард. Почему у вас будет электрический страус?

– Страус? Мы могли бы его собрать сотен за семь с небольшим, только придется чуть подождать. Это ведь будет индивидуальная работа, страусов редко заказывают. Так что, если у вас нет особого...

– Я подумаю и позвоню еще раз, – прервал его Рик; взглянув на часы, он увидел, что уже ровно 9:30. – До свидания.

Он торопливо бросил трубку, встал и через несколько секунд оказался перед приемной Брайанта. Там восседали аж две секретарши – сногшибательная платиновая блондинка, в чьи обязанности входило спрашивать у посетителей и людей, звонящих по видеофону: «Как о вас доложить?» – да приносить шефу кофе, и древняя, словно выуженная из какого-то юрского болота мымра – для настоящей работы. Ни одна из них с Риком не заговорила, поэтому он без остановки направился к внутренней двери, вошел в кабинет, молча кивнул Брайанту, который оживленно беседовал с кем-то по видеофону, сел сбоку от начальственного стола, достал из принесенной с собой папки данные по «Нексусу-6» и в который уже раз начал их изучать.

Настроение у Рика было препоганое – хотя, казалось бы, неожиданное исчезновение со сцены Дэйва Холдена было ему на руку.

Глава 4

Может, я просто боюсь повторить судьбу Дэйва, подумал Рик. Боюсь, что если андры достаточно ушлые, чтобы уложить его, то уложат и меня? Да нет, вряд ли.

– Ты что, прихватил с собой шпаргалку по этому новому мозговому блоку? – спросил инспектор Брайант, аккуратно водрузив трубку видеофона на рычаг.

– Да, – кивнул Рик. – Местные кумушки успели меня оповестить. Так сколько там андров и что успел сделать Дэйв?

– Было восемь штук, – сказал Брайант, перекидывая странички какого-то блокнота. – Дэйв убрал двоих.

– А остальные шесть гуляют где-то здесь, рядышком?

– Похоже. Во всяком случае, так считает Дэйв. Это же я с ним сейчас разговаривал. Еще у меня есть записи, они лежали у него в столе. Дэйв говорит, что там все, что он знает.

Брайант похлопал рукой по пухлому блокноту. Пока что он не высказывал намерения передать заметки Дэйва Рику, а продолжал их перелистывать, то хмурясь, то задумываясь, то нервно облизывая губы.

– Я сейчас достаточно свободен, – осторожно сказал Рик, – и готов занять место Дэйва.

– Готов? – Брайант задумался. – Дэйв использовал для проверки подозреваемых усовершенствованный вопросник Фойгта-Кампфа. Как ты прекрасно понимаешь – во всяком случае, должен понимать, – эта методика не рассчитана на новейшие мозговые блоки. Но ему не приходилось выбирать – фактически у нас нет ничего, кроме Фойгтовского вопросника, подправленного три года назад Кампфом. – Он немного помолчал. – Дэйв считал этот тест достаточно точным. Возможно, так оно и есть. Но я все равно предложил бы тебе не сразу браться за эту, – Брайант опять похлопал по блокноту, – шестерку, а слетать сперва в Сиэтл и поговорить с розеновской публикой. Как-нибудь там устроить, чтобы они предоставили тебе репрезентативную выборку андроидов, снабженных этим «Нексусом-шесть»...

– И прогнать этих андроидов через Фойгта-Кампфа, – закончил за него Рик.

– Звучит-то оно просто, – пробормотал Брайант, словно отвечая каким-то своим мыслям.

– Прости?

– Пожалуй, я поговорю с розеновцами сам, пока ты будешь в пути.

Брайант замолк, поразглядывал некоторое время Рика, пару раз хмыкнул, отгрыз и выплюнул кусочек ногтя и наконец вроде бы решил, что он хочет сказать.

– Я обсужу с ними возможность включения в проверяемую группу не только андроидов, но и нескольких людей. И ты не будешь знать, кто там кто. Я составлю тест-группу сам, во взаимодействии с производителями, к твоему прилету все будет готово.

Он опять немного помолчал, а затем резко ткнул в сторону Рика пальцем.

– Это же будет твое первое выступление в роли старшего охотника. Дэйв очень много знает, у него огромный опыт.

– А у меня тоже опыт немаленький, – обиделся Рик.

– Ты неплохо справился с несколькими заданиями со стола все того же Дэйва, он лично решал, каких андроидов можно передать тебе, а каких – не стоит. Теперь же тебе достанутся шестеро, которых он брал на себя, в том числе ловкач, сумевший в итоге подстрелить его самого. Макс Полоков, – уточнил Брайант и продемонстрировал Рику какую-то бумажку. – Во всяком случае, так он себя называет. И все это – если Дэйв верно оценил ситуацию. На этом основано все, весь его список. А ведь он успел прогнать через Фойгтовский тест только троих – двоих, которых успел найти, и этого самого Полокова. К слову сказать, как раз во время тестирования Полоков его и подстрелил.

– Что и доказывает правоту Дэйва, – заключил Рик. И действительно, в противном случае у Полокова просто не было оснований стрелять в полицейского.

– Так что отправляйся ты в Сиэтл, – сказал Брайант, – и ничего им сперва не говори – я сам все сделаю. И еще. – Он встал из-за стола и в упор уставился на Рика. – Ты будешь проводить там Фойгт-Кампфовский тест. Если через него не пройдет кто-либо из людей...

– Такого не может быть, – прервал его Рик.

– Не может? Как раз на эту тему мы говорили с Дэйвом недели три назад – и в общем-то сошлись во мнениях. Я тогда только что получил меморандум советской полиции. ВПО, Всемирная правоохранительная организация, сочла эту бумагу настолько важной, что разослала ее по всем своим отделениям вплоть до колониальных. Группа ленинградских психиатров вошла в ВПО со следующим предложением: они хотят, чтобы новейшие и наиболее точные методы психопрофилирования личности, используемые для выявления андроидов, – говоря попросту, вопросник Фойгта-Кампфа – были опробованы на особой группе шизофренических и шизоидных личностей. На тех из них, кто проявляет так называемое «притупление аффекта». Ты слышал о таком симптоме?

– Конечно, – кивнул Рик. – Именно его мы и измеряем при нашем тестировании.

– Тогда ты должен понимать, что их беспокоит.

– Такая проблема существовала всегда, с того самого момента, как мы впервые столкнулись с андроидом, выдающим себя за людей. Полиция сформировала на этот счет вполне определенную точку зрения, лучше всего сформулированную в старой, написанной восемь лет назад статье Лурье Кампфа «Вхождение в роль и его блокирование на последних стадиях шизофрении». Кампф сравнивает пониженную способность к сопереживанию, наблюдаемую у некоторых пациентов, с поверхностно сходной, однако в корне...

– Ленинградские психиатры, – оборвал его Брайант, – считают, что есть люди, не способные реагировать на вопросник Фойгта-Кампфа нормальным образом. Тестируя такого индивидуума в порядке полицейской проверки, ты неизбежно идентифицируешь его как анроида. Нет, я ничуть не сомневаюсь, что со временем твоя ошибка будет обнаружена. При вскрытии.

Он смолк, ожидая ответа.

– Но все эти люди, – осторожно начал Рик, – должны...

– Да, – согласился Брайант, – такие люди должны находиться в лечебницах. Они совершенно не приспособлены к жизни во внешнем мире, и даже попади такой на волю, его вскоре выявят как сумасшедшего и препроводят все в ту же психушку – за исключением того варианта, что срыв произошел у него настолько недавно, что никто вокруг ничего еще толком не заметил. Но ведь такое тоже может быть.

– Вероятность – одна миллионная, – сказал Рик, однако этот довод не убедил даже его самого.

– Дэйва, – продолжил Брайант, – очень беспокоило появление этих новых «Нексу-сов-шесть». Как ты знаешь, розеновцы заверили нас, что для выявления таких андроидов вполне достаточно стандартных психопрофилирующих тестов. Мы поверили им на слово. Теперь же нам придется делать то, что нужно было сделать с самого начала. Именно этим ты и займешься в Сиэтле. Тебе, конечно же, понятно, что тут возможны накладки как в одну, так и в другую сторону. Если ты не сможешь выявить всех андроидов, получится, что у нас нет достаточно надежного аналитического инструмента и мы не способны найти и нейтрализовать всех беглых. Если же ты посчитаешь андроидом человека... – по губам Брайанта скользнула ледяная улыбка, – это было бы крайне неловко, хотя можно ручаться, что никто – и уж особенно никто из розеновских – не станет распространять эту новость. При желании можно было бы скрывать такой промах до бесконечности, однако в действительности мы, разумеется, оповестим о нем ВПО, а те, в свою очередь, оповестят Ленинград. Когда-нибудь пикантное известие дойдет до какого-нибудь газетчика, и начнется настоящая свистопляска. Но можно надеяться,

что к этому времени мы разработаем новый тест. Ну что, летишь? Тогда я звоню, – он поднял трубку видеофона, – а ты бери департаментскую машину и заправь ее на нашей заправке.

– А что, если я возьму с собой записи Дэйва? – предложил Рик, поднимаясь со стула. – Почитал бы в дороге.

– Не стоит, – сказал Брайант. – Подождем, пока ты сам проведешь в Сиэтле эти тесты.

Рик Декард с удивлением отметил, что голос заботливого начальника звучал не холодно, а попросту безжалостно.

В Сиэтле его уже ждали. К севшей на крышу розеновского административного корпуса машине неспешно приблизилась стройная темноволосая девушка в ярком полосатом плаще и огромных пыле-фильтрующих очках. Руки она держала глубоко в карманах; на узком, резко очерченном лице застыло выражение брезгливого недоумения.

– Что это с вами? – спросил Рик, вылезая из машины.

– Да нет, ничего особенного, – отмахнулась девушка. – Просто я еще не отошла после разговора по видеофону. Не обращайтесь внимания. – Словно передумав, она протянула Декарду руку, тот машинально ее пожал. – Меня зовут Рэйчел Розен. Ну а вы, как я понимаю, мистер Декард.

– Это не я придумал, – сказал Рик.

– Знаю, инспектор Брайант нас уже просветил. Но вы представляете здесь Сан-Францисский департамент полиции, а это уважаемое учреждение не верит, что наша фирма работает на благо общества.

– Подобно любой другой машине, – заметил Рик, – гуманоидный робот может быть как благом, так и опасностью. Благо не по нашей части.

– А как только возникает опасность возникновения опасности, – съязвила Рэйчел Розен, – вы тут как тут. Скажите, пожалуйста, мистер Декард, а вы действительно убиваете андроидов за особое вознаграждение, за премию?

Рик пожал плечами, словно говоря: «А что тут такого?», а затем неохотно кивнул.

– Вы без труда воспринимаете андроида как бездушный предмет, – холодно улыбнулась девушка. – А потому можете его «нейтрализовать» – я не перепутала термин? – без малейших угрызений совести.

– А у вас уже готова группа для тестирования? – сменил тему Рик. – Я хотел бы... – Он не договорил, потому что увидел животных.

Ну конечно же, мощная компания могла себе это позволить. Скорее всего, Рик подсознательно ожидал увидеть здесь богатое собрание живности, потому что не чувствовал сейчас никакого удивления, а только интерес и что-то вроде зависти. Он без слов покинул девушку и направился к остро пахнущим вольерам, где сидели и бродили, лежали и спали животные. Енот, к примеру, спал.

Рик никогда не видел енота воочию – только по телевизору. По той или иной причине смертоносная пыль обошлась с этими симпатиями почти столь же жестоко, как с птицами, которые вымерли практически полностью. Он привычно выдернул из кармана все того же «Сидни» и посмотрел, как там с енотами. По всем подразделам цены шли курсивом – подобно першеронам, эти животные отсутствовали в предложении, а цифры, в тех подразделах, где они присутствовали, обозначали просто цены последней зарегистрированной сделки. Цены с таким количеством нулей, что враз и не сосчитаешь⁵.

– Его зовут Билл, – сказала подошедшая сзади девушка. – Мы получили его в том году от одной из дочерних компаний. Такую драгоценность нельзя не сторожить.

---

⁵ Нужно заметить, что енот занимает в американской мифологии особое место. Он едва ли не самое упоминаемое дикое животное в фольклоре фронта.

Она указала куда-то в сторону; Рик повернулся и увидел группу серьезного вида мужчин в незнакомой ему униформе, вооруженных миниатюрными скорострельными ручными пулеметами «Шкода». Глаза охранников были прикованы к нему – надо думать, с самого начала, с момента посадки. И это при том, подумал Рик, что на департаментской машине и знаки, и надпись «Полиция».

– Крупные производители андроидов, – сказал он задумчиво, – вкладывают свои доходы в живых животных.

– Вы взгляните лучше на нашу сову, – сказала Рэйчел Розен. – Она сейчас спит, но я могу для вас разбудить.

Она направилась к дальней, не слишком большой клетке, посреди которой гротескно гнуло черные сучья сухое развесистое дерево.

Сов нет, хотел сказать Рик, во всяком случае так говорят. И вот у «Сидни», в их каталоге сова, конечно же, числится вымершей; крошечное такое «вым.», и никаких подразделов, чего подразделять, когда подразделять нечего? Он раскрыл на ходу брошюрку и проверил себя. Ну да, конечно, все так и есть. А «Сидни» не ошибается, никогда. Это тоже прекрасно известно. А много ли в мире таких вот фактов и авторитетов, достаточно надежных, чтобы на них можно было опереться?

– Она искусственная, – догадался Рик и на секунду почти ослеп от жгучей волны разочарования.

– Нет, – улыбнулась Рэйчел, и он увидел ее мелкие, ровные, жемчужно-белые зубы – антитезу к черным как смоль волосам и черным глазам.

– Но «Сидни» числит их вымершими, – сказал Рик и попытался показать ей раскрытый на совах каталог, чтобы подтвердить свою правоту.

– Мы не имеем дела ни с «Сидни», ни с прочими торговцами, – сказала Рэйчел. – Все наши животные куплены у частных лиц, по нигде не зарегистрированным ценам. Кроме того, – добавила она, – мы располагаем своими собственными натуралистами, они работают в Канаде. Там все еще сохранилось довольно много леса, во всяком случае – относительно много. Достаточно, чтобы можно было встретить мелких животных, а иногда и какую-нибудь птицу.

Рик стоял и смотрел на сову, мирно дремавшую на своем насесте. В его голове мелькали обрывки мыслей про войну, про дни, когда совы падали с неба. Он вспоминал далекое детство, когда вдруг оказалось, что животные вымирают целыми видами, и как газеты что ни день сообщали очередную трагическую новость: сегодня лисы, завтра барсуки – пока люди не перестали читать эти нескончаемые некрологи.

И он снова подумал, как ему хочется настоящее, живое животное, и снова ощутил жгучую ненависть к своему электрическому барану, с которым ему приходилось возиться, словно он и вправду живой. Тирания бездушного предмета, думал Рик. Предмета, и знать не знающего, что я существую. Подобно андроидам, он не чувствует никакой связи между собой и всеми окружающими его живыми существами. Мысль о сходстве между электрическими животными и андроидами была для него внове. Электрическую овцу или кошку, рассуждал Рик, можно считать низшими, предельно примитивными подвидами все того же семейства роботов. Или, наоборот, андроида можно рассматривать как очень высокоразвитое эрзац-животное. По какой-то не совсем ясной причине оба этих варианта ему претили.

– А вот вздумайся вам продать эту сову, – повернулся он к Рэйчел Розен, – сколько бы вы за нее запросили и какую часть цены вперед?

– Мы никогда не продадим нашу сову. – Девушка смотрела на него со снисходительной жалостью, во всяком случае именно так истолковал Рик выражение ее лица. – И даже продавай мы ее, цена была бы для вас непосильной. Какое животное у вас дома?

– Баран. Черноголовый суффолкский баран.

– Ну вот, чего же вам еще не хватает?

– Хватать-то хватает, – соврал Рик, – но только мне всегда хотелось иметь сову, хотелось с детства, еще до того, как все они передохли. Все, – поправился он, – кроме вашей.

– Мы, – сказала Рэйчел, – прикладываем сейчас все силы, чтобы найти еще одну сову, самца, чтобы спарить его с нашей Скрэппи. – Она указала на клетку.

Дремавшая на своем насесте сова на секунду приоткрыла хищные желтые глаза, закрыла их и снова впала в оцепенение. Покрытая перьями грудь медленно вздымалась и резко опадала; казалось, что спящая птица тяжело вздыхает.

Рик с трудом оторвался от завораживающего зрелища – он чувствовал, как его первоначальная реакция, благоговение, все больше замутняется черной, беспросветной горечью, – и сказал предельно деловым тоном:

– Я бы хотел протестировать вашу выборку прямо сейчас. Не могли бы мы спуститься и начать?

– Мой дядя говорил с вашим начальником, вполне возможно, что он уже...

– Так вы одна семья? – поразился Рик. – Такая огромная корпорация является семейной?

– Вполне возможно, – продолжила свою фразу Рэйчел, – что дядя Элдон уже успел подготовить и группу андроидов, и контрольную группу. Идемте.

Девушка снова втиснула руки в карманы полосатого плаща, резко повернулась и зашагала к лифту, словно и не заботясь, следует гость за ней или нет.

– Не понимаю, – сказал Рик, когда просторная кабина вздрогнула и полетела вниз, – что вы все-таки имеете против меня?

Рэйчел задумалась, словно и сама не совсем это понимала.

– Дело, пожалуй, в том, – сказала она наконец, – что игрою случая вы, мелкий служащий полиции, оказались в уникальном положении. Вы понимаете? – На Рика блеснул темный недружелюбный глаз.

– А какая часть вашей теперешней продукции, – спросил он, – оснащается «Нексусом-шесть»?

– Сто процентов.

– Хотелось бы надеяться, что тест Фойгта-Кампфа способен их выявить.

– А если нет, нам придется убрать их с рынка и отозвать всех уже проданных. – Теперь она повернулась к Рику и буквально испепеляла его взглядом. – И все потому, что наша драгоценная полиция совсем разучилась работать и не может отловить нескольких заартачившихся «Нексусов-шесть».

Кабина лифта остановилась, двери разъехались, и, пожалуй, одно лишь это спасло Рика от полного испепеления.

В коридоре их встретил худощавый, подтянутый пожилой джентльмен с усталым, озабоченным лицом.

– Я Элдон Розен, – представился джентльмен, протягивая Рику руку. – Послушайте, Декард, – он нервно пригладил свои сильно редющие волосы, – я сделал все что мог, но вы же должны понимать, что здесь, на Земле, мы ничего не производим. Я не могу вот так вот снять трубку, позвонить на склад и заказать такое-то и такое-то количество готовой продукции с таким-то и таким-то разбросом параметров. Я хочу и буду оказывать вам всю возможную помощь, но мои возможности весьма ограничены.

Его руки заметно подрагивали.

– У меня все готово, – сказал Рик, указывая на взятый в управление чемоданчик. – Так что можно начинать.

Нервозность Розена-старшего взбодрила его, наполнила уверенностью в себе. Они меня боятся, понял он с удивлением. И дядя этот, и даже Рэйчел. Возможно, я и вправду могу вынудить их отказаться от производства андроидов с этим новым мозгом, и то, что я сделаю в течение ближайшего часа, серьезнейшим образом повлияет на их производственные планы. Не

исключено, что сейчас решится будущее Розеновской корпорации как здесь, в Соединенных Штатах, так и в России, и даже на Марсе.

В поведении Розена чувствовались страх и неискренность. Прилетев сюда из Сан-Франциско, Рик привел за собой пугающий призрак экономической смерти. А ведь эти люди, думал он, обладают огромной силой. Их предприятие считается одним из главных звеньев мировой экономической системы; производство андроидов так тесно срослось с переселением людей на другие планеты, что рухну из них что-нибудь одно, со временем неизбежно рухнет и другое. Само собой, ассоциация «Розен» это отлично понимала, а Элдон Розен последние часы ни о чем другом, скорее всего, и не думал.

– Напрасно вы так волнуетесь, – сказал Рик, следуя за дядей и племянницей по широкому, ярко освещенному коридору.

Его самого переполняла спокойная удовлетворенность – чувство более приятное, чем что-либо иное, что он мог припомнить. Ну что ж, уже через час-другой надежно выяснится, что может вся эта техника тестирования – и чего не может.

– Если у вас нет веры в тестирование по Фойгту-Кампфу, ваша компания могла бы заняться разработкой другой методики. Что ни говори, все-таки часть ответственности лежит на вас... О, спасибо.

Помещение, куда провели его Розены, напоминало не столько кабинет или лабораторию, сколько роскошную гостиницу – ковры, торшеры, диван, новомодные приставные столики, на которых лежали свежие журналы... В том числе и февральское приложение к каталогу «Сидни», не поступившее еще в продажу. Более того, до официального выхода этого приложения в свет оставалось еще не менее трех дней; судя по всему, ассоциация «Розен» имела с «Сидни» особые отношения.

Рик возмущенно подхватил брошюру со столика.

– Это грубейшее злоупотребление доверием общественности. Ни один клиент не должен узнавать об изменении цен раньше прочих.

Вообще говоря, здесь попахивало нарушением федерального законодательства; Рик попытался припомнить соответствующую статью, но не смог.

– Я беру это с собой, – сказал он, открывая свой чемоданчик, чтобы положить туда злополучное приложение.

– Послушайте, сержант, или как вас там, – устало сказал Элдон Розен, – мы отнюдь не собирались использовать эти сведения для получения грошовой...

– Я не сержант и вообще не полицейский, – отрезал Рик. – Я платный охотник на андроидов.

Присев за изящный кофейный столик, он вынул из открытого чемоданчика прибор Фойгта-Кампфа, подключил к нему простенькие, в принципе, полиграфические датчики и вскинул глаза на вконец измученного Элдона Розена.

– Можете вызывать первого тестируемого.

– А можно и мне посмотреть? – спросила Рэйчел, присаживаясь на диван. – Я никогда не видела, как проводится тест на эмпатию. Что измеряют все эти штучки?

– Вот этот датчик, – сказал Рик, демонстрируя ей маленький липкий диск, от которого тянулись длинные выводы, – регистрирует расширение капилляров в области лица – так называемую «краску стыда» или «краску смущения», которая является первичной инстинктивной реакцией на морально шокирующее раздражение. Расширение капилляров не поддается сознательному контролю. В отличие от кожной проводимости, потовыделения и частоты пульса. А вот это устройство, – он взял со стола крохотный маломощный источник игольно-тонкого луча света, – регистрирует флюктуации напряжения глазных мускулов. Параллельно с покраснением, как правило, наблюдаются малые, но доступные для регистрации движения...

– А у андроидов их нет, – догадалась Рэйчел.

– У андроидов они не появляются в качестве реакции на «шокирующие» вопросы, хотя и возможны биологически.

– Испытайте меня, – сказала Рэйчел.

– Что? – поразился Рик. – Зачем?

Рэйчел молчала.

– Мы, – голос Элдона Розена звучал хрипло и напряженно, – решили для начала протестировать ее. Не исключено, что она – андроид. Будем надеяться, что вы внесете в этот вопрос полную ясность.

Он как-то угловато, неуклюже сел, раскурил сигарету и стал напряженно, как прожженный скептик на представлении базарного фокусника, наблюдать за действиями Рика.

Глава 5

Рэйчел Розен выглядела совершенно спокойной; казалось, что ей совсем не мешают ни приклеенный к щеке диск, ни бьющий в уголок левого глаза луч света.

Рик еще раз проверил, что обе стрелки прибора Фойгта-Кампфа стоят на нуле, и сказал:

– Сейчас я схематично опишу вам несколько жизненных ситуаций. Вы должны быстро, без раздумий выразить свое к ним отношение. Само собой, время вашей реакции будет регистрироваться.

– Само собой, – сухо заметила Рэйчел, – мои ответы не будут приниматься во внимание. Все ваши выводы будут базироваться исключительно на покраснении кожи и на подергивании глазного мускула. Так что можно бы даже и не отвечать вам, но я отвечу, пусть все будет по правилам. Ну что ж, давайте, мистер Декард.

Рик начал с ситуации номер три: «Вам подарили на день рождения бумажник из телячьей кожи». Обе стрелки мгновенно метнулись из зеленого сектора в красный, начали бешено дергаться и затем понемногу стихли.

– Я не возьму его, – сказала Рэйчел. – А кроме того, сообщу об этом случае в полицию.

Рик сделал запись в протоколе тестирования и перешел к восьмой ситуации по вопроснику Фойгта-Кампфа: «Ваш малолетний сын показал вам свою коллекцию бабочек и орудия лова, включая банку для усыпления насекомых хлороформом».

– Я бы отвела его к доктору, – твердо сказала Рэйчел. Стрелки снова дернулись, но уже не так далеко, да и успокоились они побыстрее; Рик сделал очередную запись.

– Вы сидите, – продолжил он, – смотрите телевизор и вдруг замечаете на своей руке осу.

– Я ее прихлопну, – сказала Рэйчел.

На этот раз стрелки не сдвинулись с места, только слегка вздрогнули. Рик записал это обстоятельство и подошел к выбору следующей ситуации с особым тщанием.

– Вы обнаружили в журнале цветную вкладку с фотографией обнаженной девушки. – Он сделал паузу.

– Так вы что там сейчас проверяете? – раздраженно вскинулась Рэйчел. – Мою сексуальную ориентацию?

Стрелки не двигались.

– Вашему супругу эта картинка понравилась, – невозмутимо продолжил Рик.

Стрелки не двигались.

– Девушка, – добавил он, – лежит на роскошной медвежьей шкуре.

Стрелки так и не шелохнулись.

Типичная для андроидов реакция, сказал он себе. Она сосредоточила все свое внимание на второстепенных, маскирующих деталях и начисто прозевала ключевой элемент – шкуру мертвого животного. Она? Или оно?

– Ваш супруг решил украсить этой картинкой свой кабинет, – завершил он историю; теперь стрелки сдвинулись, и довольно сильно.

– Я ему не позволю, – сказала Рэйчел. – Ни в коем случае.

– О'кей, – кивнул Рик. – А теперь подумайте о следующей ситуации. Вы читаете старый, еще довоенный роман. Живущие в Сан-Франциско герои посещают «Рыбацкую пристань». Они проголодались и заходят в ресторанчик, где кормят «дарами моря». Один из героев заказывает омара; шеф-повар прямо у них на глазах бросает омара в котел с кипящей водой.

– Господи, – воскликнула Рэйчел, – какой ужас! Они что, действительно так делали? Это гнусно, омерзительно! Я не ошиблась, он бросил в кипяток живого омара?

И при всем этом возмущении стрелки почти не шевелились. Правильная вроде бы реакция, но – наигранная.

– Вы арендуете хижину в горах в зоне бореальной растительности. Хижина выполнена в архаичной, деревенской манере – сруб из сучковатых сосновых бревен и огромный камин.

– Понятно, понятно, – нетерпеливо кивнула Рэйчел.

– По стенам развешаны литографии Каррира и Айвза⁶, старинные карты и гравюры, над камином прибита оленья голова с прекрасными ветвистыми рогами. Ваши гости восхищены декором хижины, вы все вместе решаете...

– Только не с этой головой, – прервала его Рэйчел; стрелки качнулись, но не вышли за пределы зеленых секторов.

– Вы забеременели, – не останавливался Рик, – от мужчины, обещавшего на вас жениться. Этот мужчина уходит к другой женщине, вашей лучшей подруге, и поэтому вы делаете аборт...

– Я никогда не стану делать аборт, – сказала Рэйчел. – Да это и попросту невозможно. За аборт дают пожизненное, и полиция следит за врачами очень бдительно.

На этот раз обе стрелки дружно прыгнули чуть не за край шкалы.

– Откуда вы это знаете? – удивился Рик. – Я насчет трудностей с абортами.

– Откуда? – пожала плечами Рэйчел. – Да кто же об этом не знает?

– А звучало так, словно вы говорили по собственному опыту. – Рик внимательно проследил за стрелками. Они снова качнулись на красное. – И еще. Вы регулярно встречаетесь с неким мужчиной, и вот однажды он приглашает вас к себе в гости. Там он предлагает вам освежиться коктейлем. Стоя с бокалом в руке, вы видите через приоткрытую дверь его спальню. Она украшена яркими афишами боя быков. Вы заходите в спальню, чтобы разглядеть афиши получше. Он тоже заходит туда и прикрывает за собою дверь. Потом он обнимает вас за плечи и говорит...

– А что такое «афиша боя быков»?

– Рисунок, обычно цветной и очень большого формата, изображающий матадора с мулей и быка, который пытается поддеть его на рога. Послушайте, а сколько вам лет? – Вопрос Рика не лез ни в какие ворота, но, может быть, тут все дело в возрасте...

– Восемнадцать, – сказала Рэйчел. – Ну хорошо, этот человек закрыл за собой дверь и обнял меня за плечи. Что он при этом сказал?

– А вы знаете, чем кончился бой быков?

– Ну, вроде бы кого-нибудь могли поранить.

– В конечном итоге быка убивали. Обязательно.

Стрелки беспокойно задергались, но – не более того. Никакого отсчета.

– И последний вопрос, – сказал Рик. – Вы смотрите по телевизору старый, еще довоенный фильм. На экране – званый обед, гости закусывают сырыми устрицами.

– Брр, – передернула плечами Рэйчел; стрелки прыгнули на красное.

– После закусок, – продолжил Рик, – подают главное блюдо – тушеную собаку, фаршированную рисом со специями.

На этот раз стрелки дернулись не так сильно, слабее, чем при упоминании сырых устриц.

– Странно, неужели тушеная собака – более приемлемое блюдо, чем устрицы? Мне кажется, что нет. – Рик отложил карандаш, выключил источник света и отклеил от щеки девушки датчик. – Вы – андроид, – подытожил он. – Таков результат тестирования. – Он обратился вроде бы к Рэйчел, но информировал при этом не столько ее, сколько Элдона Розена, чье старое осунувшееся лицо перекошилось в гримасе страха и озабоченности.

– Я ведь прав, не так ли? – спросил Рик.

Розены потерянно молчали.

---

⁶ «Каррир и Айвз» (по именам основателей) – американская фирма, которая была основана в XIX веке и специализировалась на издании литографий, иллюстрировавших историю и быт США.

– Послушайте, – начал Рик, изо всех сил стараясь говорить дружелюбно и рассудительно, – нам же тут попросту нечего делить. Я хочу, чтобы тест Фойгта-Кампфа оказался работоспособным, для меня это важно, почти столь же важно, как и для вас.

– Она не андроид. – Лицо старшего Розена разгладилось, да и говорил он на удивление спокойно.

– Я вам не верю, – качнул головой Рик.

– А с какой стати ему врать? – почти крикнула Рэйчел. – Если бы они хотели вас обмануть, то разве что в противоположную сторону.

– Я хочу, чтобы у вас взяли пробу костного мозга, – сказал Рик. – Это внесет окончательную ясность в вопрос, андроид вы или человек. Процедура, конечно же, болезненная, да и результатов анализа придется ждать довольно долго, и все равно...

– По закону, – прервала его Рэйчел, – человека нельзя принудить к анализу костного мозга – равно как и нельзя принудить его давать показания против самого себя, на этот счет было решение Верховного суда⁷. Да и вообще, это труп можно проверить довольно быстро, а с живым человеком все очень длинно и сложно. Вы получили возможность проводить этот проклятый Фойгт-Кампфовский тест исключительно по милости аномалов, их выявлением занимаются постоянно, вот полиция и сумела под шумок подсунуть в перечень тех разрешенных тестов и своего Фойгта-Кампфа. Но теперь, после сегодняшнего, вашему тестированию приходит конец.

Она встала, отошла в другой конец комнаты, уперла руки в бедра и отвернулась к окну.

– И главное тут не в законности или незаконности анализа костного мозга, – сказал Элдон Розен. – Главное в том, что ваше тестирование дало на моей племяннице непростительный сбой. Я могу объяснить, почему она оказалась у вас андроидом. Рэйчел выросла на борту «Саландера-три». Там она родилась, там провела четырнадцать из своих восемнадцати лет, черпая информацию о мире из корабельной библиотеки да из того немногого, что рассказывали ей о жизни на Земле девять взрослых членов команды. Потом, как вы, конечно же, знаете, корабль повернул назад, пролетев лишь шестую часть пути до Проксимы. Не случись этого, Рэйчел вообще никогда не увидела бы нашу планету – разве что в весьма преклонном возрасте.

– А вы бы меня быстренько «нейтрализовали», – бросила через плечо Рэйчел. – Попади я в полицейскую облаву – и все, конец. Я знаю это уже четыре года, с того самого момента, как сюда попала, и это было далеко не первое мое знакомство с тестом Фойгта-Кампфа. Собственно говоря, я торчу в этом здании почти безвылазно, слишком уж велик риск. Тут и обычные дорожные заставы, и летучие отряды полиции, проводящие массовые проверки в самых неожиданных местах, и все для того, чтобы отловить незарегистрированных аномалов.

– И андроидов, – добавил Элдон Розен. – Само собой, широкой общественности об этом ничего не говорится, люди не должны знать, что здесь, на Земле, есть андроиды.

– Вряд ли они здесь есть, – покачал головой Рик. – Я думаю, что многочисленные полицейские структуры, и наши, и у соседей, в Советском Союзе, быстро их всех прибирают. Людей на Земле осталось мало, рано или поздно каждый, кто здесь есть, нарывается на неожиданную проверку.

Так ему, во всяком случае, хотелось думать.

– А какие у вас были инструкции, – спросил Элдон Розен, – на случай, если вы примете человека за андроида?

– Это – служебная информация, – отрезал Рик и начал укладывать безнадежно опозоренную аппаратуру в чемоданчик; Розены молча за ним наблюдали. – Само собой, – добавил

---

⁷ Имеется в виду знаменитая Пятая поправка к Конституции США, в которой есть пункт: «Никто не должен принуждаться свидетельствовать против самого себя в уголовном деле».

он, – мне было велено отказаться от дальнейшего тестирования – что я и делаю. Какой смысл продолжать, если была хотя бы одна ошибка?

– А ведь мы могли бы вас обмануть, – сказала Рэйчел. – Ничто не заставляло нас ловить вас на вашей ошибке. То же самое относится и ко всем остальным отобранными нами субъектам. Нам только и надо было, – она подкрепила свою тираду энергичным взмахом руки, – что соглашаться со всеми вашими результатами, что бы вы там ни намерили.

– Мне следовало заранее получить у вас список тестируемых, – вздохнул Рик. – В запечатанном конверте. А потом проверить результаты на соответствие этому списку.

И практически наверняка, подумал он, никакого соответствия не было бы. Да, Брайант был прав. И слава богу, что я не начал охотиться на беглых андроидов, ориентируясь по Фойгту-Кампфу.

– Да, вам совсем не мешало попросить у нас список, – сказал Элдон Розен и вопросительно взглянул на свою племянницу; та коротко кивнула. – Мы обсуждали такую возможность, – добавил он с явной неохотой.

– Вся эта проблема, – сменил тему Рик, – коренится в вашем бездумном подходе к производству. Ничто ведь не вынуждало вас совершенствовать гуманоидных роботов до такой степени, что...

– Следуя освященным временем принципам, лежащим в основе любой предпринимательской деятельности, – сказал Элдон Розен, – мы производили то, чего хотели колонисты, наши клиенты. Не перейди наша фирма на выпуск таких предельно очеловеченных моделей, это сделали бы наши конкуренты, ну разве что чуть попозже. Разрабатывая мозговой блок «Нексус-шесть», мы полностью осознавали риск, на который идем. Но ваш тест Фойгта-Кампфа, на который мы ориентировались, имел скрытый дефект, так и не выявленный к моменту поступления новых моделей на рынок. Не сумей вы распознать в андроиде с «Нексусом-шесть» анроида, запиши вы его человеком, все было бы ясно с самого начала, но произошло нечто значительно худшее. – Его голос стал резким и безжалостным. – Весьма вероятно, что ваш департамент – равно как и прочие полицейские структуры – «нейтрализовал» многих и многих людей, настоящих людей с недоразвитой способностью к эмпатии, вроде моей ни в чем не повинной племянницы. В моральном отношении ваше, мистер Декард, положение весьма незавидно. Ваше, а не мое.

– Иными словами, – попыток Рик, – никто и не собирался дать мне протестировать хотя бы одного «Нексуса-шесть». Вместо этого вы подсунили мне эту шизоидную девицу.

И тест теперь, подумал он, безнадежно скомпрометирован. Не стоило мне браться за это дело.

– Да, мистер Декард, вы в наших руках, – спокойно, по-будничному согласилась Рэйчел Розен и одарила его ослепительной улыбкой.

Рик и сейчас не мог понять, как это ассоциация «Розен» сумела поймать его в ловушку, сделала как маленького. А с другой стороны, кто он такой против этих спецов? Огромная компания типа Розенов неизбежно обладает огромным опытом. Более того, она обладает чем-то вроде коллективного разума. А Элдон и Рэйчел Розены – не просто дядя и племянница, а полномочные представители этой корпоративной сущности. Его ошибка состояла в том, что он воспринимал их как обычных людей; больше эта ошибка не повторится.

– Вашему начальнику, – сказал Элдон Розен, – будет трудно понять, как это случилось, что вы позволили нам убедительно продемонстрировать неспособность вашей методики тестирования еще до начала теста.

Он показал на потолок, и Рик увидел объектив телекамеры. Все его дикие ляпы и просчеты были зафиксированы на пленке.

– Я полагаю, – сказал Элдон Розен, – что нам стоит сесть и поговорить. Думаю, что с вами, мистер Декард, мы сумеем прийти к какому-нибудь разумному соглашению. Собственно

говоря, нет никаких причин для суеты и беспокойства. Модель «Нексус-шесть» является свершившимся фактом; мы в нашей фирме давно этот факт осознали, а теперь, надо думать, осознали его и вы.

– Вам бы хотелось, чтобы у вас была сова? – спросила Рэйчел и чуть наклонилась к Рику.

– Какой мне смысл чего-то там хотеть? – пожал плечами Рик. – Все равно совы у меня не будет никогда.

Но он, разумеется, понимал, что она имела в виду, какую сделку предлагают ему Розены. Понимал и внутренне напрягся в ожидании дальнейшего развития событий.

– Сколько помнится, вы изъявляли желание иметь сову, – сказал Элдон Розен и вопросительно взглянул на свою племянницу. – Похоже, до него не совсем доходит...

– Еще как доходит, – отмахнулась Рэйчел. – Он сразу сообразил, к чему мы клоним, верно, мистер Декард? – Она наклонилась к Рику еще ближе, обдав его легким терпким ароматом каких-то духов, он почти ощущал тепло ее тела. – Ваша мечта почти сбылась, мистер Декард. Сова уже считай что ваша.

– Не забывайте, что он – платный охотник за андроидами, – повернулась она к Элдону Розену. – Он живет не столько на зарплату, сколько на премии, верно, мистер Декард?

Рик молча кивнул.

– Сколько андроидов сбежало на этот раз? – спросила Рэйчел.

– Восемь, – неохотно сказал Рик. – Их было восемь. Двое уже нейтрализованы. Не мною, другим человеком.

– А сколько вы имеете с головы?

– Точно и не скажешь, – пожал плечами Рик. – Бывает по-всякому.

– Не имея надежного теста, вы не сможете выявить андроида, – сказала Рэйчел, – а не выявив андроида, вы не получите свою премию. Таким образом, если вопросник Фойгта-Кампфа будет отставлен за его неадекватность...

– Ничего, – усмехнулся Рик, – его быстро заменят чем-нибудь другим. Такое случалось и прежде.

Трижды, если говорить точно. Но тогда все проходило гладко – разрабатывали и проверяли новый, более совершенный вопросник, и только тогда отказывались от старого. На этот раз создавалась совершенно иная ситуация.

– Само собой, когда-нибудь вопросник Фойгта-Кампфа устареет, – согласилась Рэйчел. – Но спешить с этим не стоит. Мы убедились, что он надежно выявляет модели с «Нексусом-шесть», и хотели бы, чтобы вы без всяких помех продолжили труды на вашем весьма своеобразном поприще.

Скрестив руки на груди и чуть покачиваясь, она внимательно смотрела на угрюмо молчавшего Рика.

– Скажи ему, что он может взять сову, – проскрипел Элдон Розен.

– Вы можете взять сову, – сказала Рэйчел, продолжая разглядывать Рика как некое экзотическое существо. – Ту, что на крыше. Скрэппи. Только мы сохраняем за собой право спарить ее, если, конечно же, удастся найти самца. И сразу договоримся, что весь возможный приплод отходит нам.

– А может, поделим птенцов пополам? – предложил Рик. – Так будет справедливее.

– Нет, – отрезала Рэйчел. – Мы не хотим, чтобы вы получили возможность разводить сов самостоятельно. И еще одно условие. Вы не сможете передать эту сову по наследству – в случае вашей смерти она возвращается в собственность ассоциации.

Элдон Розен энергично кивал головой, соглашаясь с каждым словом племянницы.

– Это сильно смахивает, – криво усмехнулся Рик, – на огромный соблазн для вас угробить меня в каком-нибудь темном углу. Чтобы поскорее вернуть себе эту птичку. Нет, на такое я ни за что не соглашусь – слишком опасно.

– Да чего вам бояться? – удивилась Рэйчел. – Вы же бывалый охотник на андроидов. Вы не расстаетесь с лазерным пистолетом, он и сейчас при вас. Если вам не защитить самого себя, как же вы надеетесь нейтрализовать эту шестерку «Нексусов-шесть»? Они же куда сообразительнее старых «В-четвертых» компании «Гроцци».

– Но там я охочусь на них, – возразил Рик, – а здесь будут охотиться на меня, это очень большая разница.

Ему совсем не хотелось, чтобы кто-то подстерегал его и преследовал. Оказавшись в роли затравленной жертвы, не только человек, но даже андроид начинает вести себя, мягко говоря, не самым разумным образом. Рик видел это не раз и не два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.